

КРЕСТЬЯНКА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1963

Вот они, колхозные командиры «Красного путиловца».

Фото С. КАРАСЕВА.

ТАК ВЫРАСТАЮТ КРЫЛЬЯ

Наш колхоз «Красный путиловец» не только в Кашинском районе, но по всей Калининской области из первых.

Из года в год перевыполняем мы планы продажи государству всех продуктов. Полновесен у нас трудовой день, все престарелые получают пенсии, введены ежегодные оплачиваемые отпуска. Тем, кто нуждается в лечении, правление не скупится на курортные путевки. Дети наши учатся в школе-интернате, которую выстроил колхоз. У нас хороший клуб. Об электричестве и радио говорить не приходится: они в каждом доме.

Как же мы пришли к такой жизни? Ведь еще несколько лет назад наш колхоз — тогда он еще не входил в состав «Красного путиловца» — был отстающим. И когда районные работники ставили нам «Красный путиловец» в пример, мы досадливо отмахивались:

— Нам бы их земли да такое руководство, как у них, и мы бы горы свернули!

Но вот «Красный путиловец» объединился с нашим отстающим колхозом. И оказалось, что и земли у нас не хуже и руководители толковые есть.

Как сейчас помним, было это в начале зимы. Приехали к нам, уже колхозникам «Красного путиловца», председатель Алексей Николаевич Белов и секретарь партийной орга-

низации проводить бригадное собрание. Алексей Николаевич золотых гор не обещал, однако твердо сказал, что трудовой день в бригаде будет зависеть от урожая: «Все в ваших руках. Как поработаете, так и получите. А условия для настоящей работы мы вам создать поможем». И помогли. К севу впервые за многие годы была отремонтирована вся техника, вывезен на поля подчистую весь навоз. Конечно, своими силами с этим мы бы не справились. Ведь не только автомашин, тракторных саней, даже сбруи для лошадей не хватало.

Но главное, помогли нам от бригадира-пьяницы избавиться, а кого на его место поставить, у нас же спросили. Мы в один голос назвали Марию Ивановну Карасеву, женщину до дела горячую.

И когда назначили ее бригадиром, то такое чувство было, будто не ей одной, а всем нам правление колхоза доверие оказало. Поверили мы, что наступит в нашей жизни перелом.

Мария Ивановна сумела сплотить вокруг себя честных, работающих колхозников. Личным примером показывала она, как надо относиться к работе. Чуть свет выходила вместе со всеми в поле, с доброй ревностью отмечала:

— А смотрите-ка! Мы нынче раньше коренных путиловцев.

В ту же осень увидели мы плоды своего труда. Урожайность зерновых выросла в полтора раза, льна — в два. А по

урожаю и оплата. Уже не копейки — без малого рубль на новые деньги пришелся на трудодень.

И пошла бригада год от года все выше. В нынешнем году мы уже взяли на круг по 20 центнеров зерновых с гектара, по 7 центнеров льноволокна, по 130 — картофеля. Это в три раза больше, чем давали те же земли до объединения.

Чтобы получать такие урожаи, пришлось нам не только добросовестно работать, но и учиться. Учиться передовой агротехнике, учиться творческому отношению к земле. Учителя были рядом — коренные краснопутиловцы. Много помогал нам агроном колхоза Анатолий Яковлевич Соловьев. Часто наведывался председатель Алексей Николаевич Белов. Надолго запомнились его слова:

— Наша сельская работа тонкая, и ответственнее ее нет. Вот, к примеру, делают на заводе станок. Собирают его, испытывают. Чуть что не так, всегда можно найти неполадку, исправить ее. А у нас упустил что-либо в подготовке почвы, на севе, при удобрении — значит, безвозвратно потерял в урожае.

Правильно говорил нам председатель. Постепенно научились мы не видеть в нашей работе мелочей.

Первое — стараемся предельно добросовестно и в лучший срок обработать землю. Казалось бы, это — дело механизаторов, бригадира. Они за качество отвечают. Но если бы мы, рядовые, стояли в стороне, — не видать нам хороших урожаев.

Совсем недавно на подъеме зяби один тракторист плохо опалил концы и провел дискование хоть и в два следа, но в одном направлении. Колхозники сразу же заметили неполадку — взяли тракториста в оборот. Бригадир еще до того поля и дойти не успел, а тракторист взялся оплошность исправлять. Хоть и знал, что за горючее у него вычтут и работу по заделке собственных огрехов не оплатят.

Второе — заботимся мы о семенах. Бывало, привезут их из района, а каков их сорт, всхожесть, никому вроде и дела нет, лишь бы в землю спрятать. Теперь иное: каждый интересуется, что сеем. Интерес этот не случаен. Взять хотя бы пшенично-пырейный гибрид-186 или пшеницу «Льговскую». Они дают у нас на 4—5 центнеров зерна с гектара больше, чем другие сорта.

Ну, и третье, главнейшее для урожая условие — удобрения. Бывало, возили их на поле, как и сейчас, с осени, оставляли на зиму в кучах. По весне же кучи раскидывали вилами. Поглядишь, не навоз — солома на поле лежит: все ценное из него вода унесла, ветры выдули. Какое ж это удобрение! А по сводке ладно выходит. А что до минеральных удобрений, так их почти и не использовали.

Когда объединились, сразу по-иному дело было поставлено. Агроном наглядно, с помощью опытных делянок, доказал нам силу органико-минеральных компостов. Не верилось сначала, что минеральные удобрения, если ими хорошо утрамбованные штабеля навоза пересыпать послойно, дают навозу большую плодородную силу, позволяют с каждого гектара получить прибавку в 3—4 центнера зерна, 40—50 центнеров картофеля.

А вышло, как агроном говорил. Теперь взялись мы за компостирование всерьез. С осени укладываем навоз в штабеля, в каждом возов по 150. Пересыпаем его фосфоритной мукой и трамбовать не ленимся. Как только снег с поля — разбрасываем штабеля и сразу же, без промедления запахиваем

компост. На каждый гектар пашни приходится по 8—10 тонн компоста.

Земля щедро отвечает на заботу.

Наша шестая бригада влилась в «Красный путиловец» одной из первых. Когда в 1958 году объединились с нами еще два отстающих колхоза, мы уже себя старыми путиловцами считали. Земли в этих колхозах вдвое больше было, чем в уже укрупненном «Красном путиловце». Только родила та земля не лучше, чем у нас до объединения. И такую же помощь, как и нам когда-то, оказывали мы влившимся в колхоз новым бригадам. По урожайности и по трудодню они уже давно сравнялись с нами.

И, не в похвальбу будь сказано, одна из главных причин роста — наш, женский труд. Будь то руководство бригадой или фермой, будь то рядовая работа в полеводстве и животноводстве.

Добрая половина руководителей бригад и ферм у нас женщины. Именно из их числа были выдвинуты руководители почти во всех бригадах, образовавшихся из отстающих колхозов.

Женщины же, как правило, работают учетчиками и кладовщицами. А ведь было время, когда эти должности считались мужскими. Сейчас мужчины перешли на работы, где трудно обойтись без их крепких рук. Взять хотя бы бригаду № 16. Здесь у нас бригадиром комсомолка Надежда Сундукова, а учетчиком в бригаде — Клавдия Ивановна Смирнова. По возрасту ей уже на пенсию пора, но она об этом и слышать не хочет. Больше того, не только учетчик она, но и звеньевая льноводческого звена. И с обеими своими должностями справляется замечательно.

А сколько у нас еще таких женщин! Не случайно председатель наш считает, что женщины в колхозе — главная сила и в руководстве и на рядовой работе.

Что говорить, лестно такое слышать, прибавляет сил доброе слово, сердечное внимание руководителей. Ведь не хлебом единым жив человек. Хотя и хлеб тоже немалую роль в росте сознательности, в радении к колхозному труду играет. Когда легко трудодень, старается человек его утяжелить за счет личного хозяйства. У нас этого нет. Как-то подсчитали в правлении, что в среднем каждой семье труд в колхозе дает девяносто процентов всех доходов, и только десять приходится на личное хозяйство.

Хорошо идут у нас дела — вроде бы живи да радуйся. Но не оставляет нас тревога за более слабых соседей. С нынешней весны взяли мы шефство над колхозом «Яхрома». Помогли им сортовыми семенами, техникой. Ездили туда несколько раз и председатель, и агроном, и лучшие наши бригадиры, звеньевые. Побывали во всех бригадах, по душам поговорили с людьми, посоветовали, с чего начинать в гору подниматься. И есть уже весомый результат: яхромцы, никогда не выполнявшие плана продажи зерна, в последних числах августа дали государству сверх плана 22 тонны.

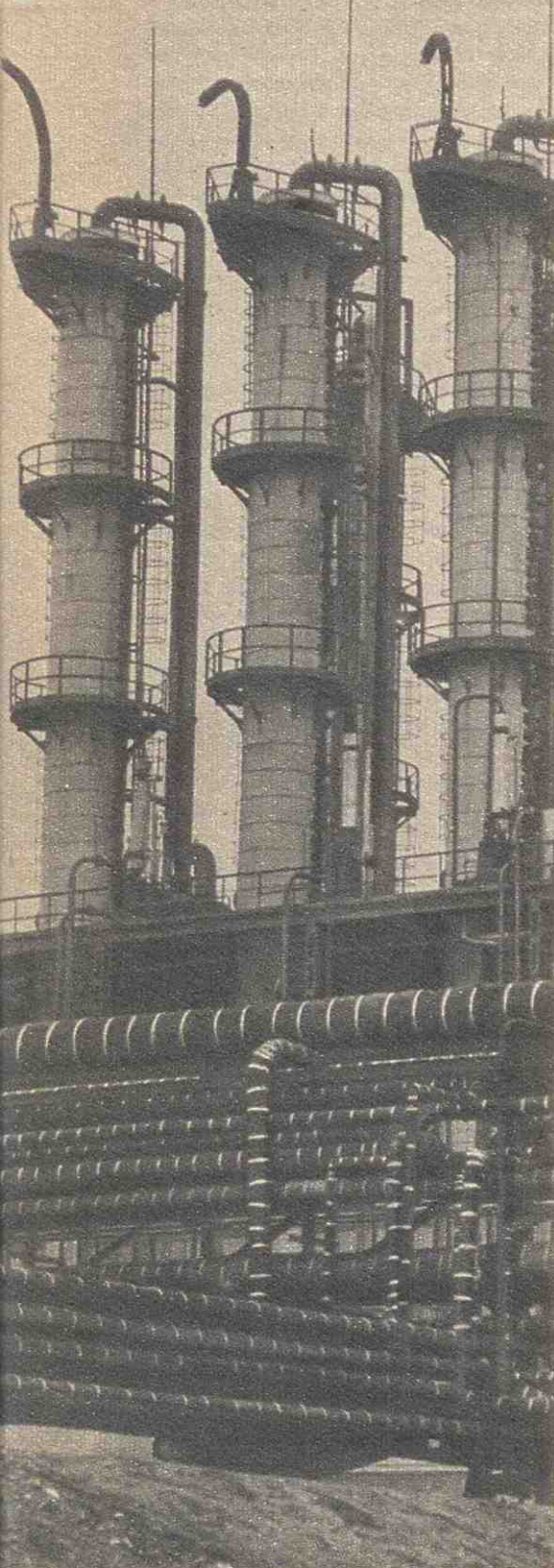
Мы от души радуемся за соседей. Будем и дальше помогать им. По себе знаем: крылья вырастают у людей, когда чувствуют они дружеский локоть, добрую заботу товарищей.

Колхозницы 6-й бригады:

В. СТАРОСТИНА, А. РОМАНОВА, Н. СОЛОВЬЕВА

Кашинское производственное управление,
Калининская область.

ХИМИЯ

Все искусство земледельца, подчеркнул выдающийся русский ученый К. А. Тимирязев, заключается в том, чтобы создать растениям наиболее благоприятные условия, и в первую очередь обеспечить их питанием. Пшеница, выращенная на хорошо удобренной почве, лучше переносит жизненные невзгоды, в ее зерне накапливается больше белка. То же самое можно сказать и о любой другой культуре. Крупнее и сахаристее становится свекла, повышается прочность волокна льна, хлопчатника.

Внесешь в почву удобрения — и с каждого гектара получишь столько продукции, сколько с двух, а то и с трех неудобренных. Одна только тонна азота дает дополнительно 20 тонн хлеба, 100—120 тонн картофеля или сахарной свеклы. Фосфор, калий и другие «продукты» питания растений тоже повышают урожай.

Недостаток даже одного из питательных веществ тотчас сказывается на росте и развитии растений. Скажем, в почве недостает только калия, и растение, испытывая в нем недостаток, начинает голодать. Листья у него сначала побуреют, почернеют с краев, а потом покоробятся, стебель перестанет расти, бутоны так и не раскроются. И калий ничто не заменит — ни азот, ни фосфор.

Очень много растения «поедают» азота, столь необходимого для строительства каждой клетки. Корни, словно насосы, тянут его из почвы. Все растения берут азот из почвы, кроме бобовых. И его запасы надо обязательно пополнять, иначе может наступить азотный голод. Любой агроном знает: если азота в почве мало — урожая не жди.

Но где взять азот? В недрах нашей земли нет залежей азотных солей, как, впрочем, и в подавляющем большинстве других стран. Природа осчастливила только южноамериканскую республику Чили: там имеются большие залежи селитры, азотнокислой натриевой соли. На рубеже нашего века, когда чилийская селитра впервые пересекла океан, в тех странах Западной Европы, где ее применяли, она совершила «чудо» — удвоила урожай.

Но Чили, естественно, не в состоянии обеспечить азотными удобрениями посевы всего земного шара. Ученые мрачно предвещали: человечеству грозят постоянные недороды. Но их пророчества не сбылись. Сельское хозяйство во все возрастающем количестве получает азотные удобрения. Откуда они? Из воздуха. Четыре пятых воздушного океана — это азот; над каждым гектаром земли висят 80 тысяч тонн этого газа. Одна беда: его не так-то легко добывать. Для этого пришлось химикам мобилизовать другой газ — водород, который при высокой температуре, высоком давлении в присутствии катализатора соединяется с азотом. Так получается аммиак.

Ну, а как с запасами руд, из которых вырабатывают другие необходимые для растений элементы? Достаточно даже бегло взглянуть на географическую карту, где значками помечены залежи минеральных руд, чтобы убедиться: наша страна — огромная кладовая богатств, из которой туковая промышленность может получать сырье в огромных размерах. Мы на первом месте в мире по запасам

фосфора. За Полярным кругом, на Кольском полуострове, высятся Хибинские горы с огромными запасами апатита — этого минерала плодородия, из которого получают суперфосфат и концентрированные удобрения. Фосфориты есть во многих местах: и в Московской, и в Ленинградской областях, и на Урале, и в Поволжье, и в Казахстане, и в Сибири.

По разведанным запасам калия наша страна тоже занимает первое место в мире. В 1925 году был открыт крупнейший Верхне-Камский бассейн калийных солей, раскинувшийся более чем на пяти тысячах квадратных километров. Громадные залежи калия есть на Украине, в Белоруссии, а также в Туркмении, Узбекистане, Казахстане. Не испытываем мы недостатка и в других рудах.

Выгодно ли перерабатывать руду в удобрения? Строительство химических предприятий обходится дорого, да и на само производство уходит немало средств. Оказывается, очень выгодно: расходуешь на удобрение и их внесение в почву рубль, а дополнительной продукции получаешь на шесть-семь рублей.

Долгие годы считалось, будто плодородие «делают» многолетние травы, а минеральные удобрения нужны только для технических культур.

Остро вопрос об удобрении полей был поставлен в 1953 году на историческом сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. Большое внимание этому делу уделил XXI съезд КПСС. Пленум ЦК, состоявшийся в мае 1958 года, принял план создания большой химии — строительства новых крупных предприятий и реконструкции существующих. Сейчас по выпуску удобрений (в 1962 году — 17,1 миллиона тонн) наша страна заняла второе место в Европе и третье в мире. Но все же зерновые культуры и особенно кормовые получают крайне мало удобрений.

Первостепенное значение Центральный Комитет КПСС придает вопросам увеличения производства минеральных удобрений и, главное, правильному использованию их. Уже в 1963 году химия даст 20 миллионов тонн минеральных удобрений, а в 1965 году — 35 миллионов тонн — столько было выпущено в 1962 году в Соединенных Штатах Америки. В 1970 году производство минеральных удобрений достигнет примерно 100 миллионов тонн, а в дальнейшем еще больше увеличится.

Наряду с ростом производства удобрений происходит и другой весьма важный процесс — улучшение удобрений. Выгодные со всех точек зрения удобрения вытесняют менее эффективные.

Так, в последнее время появились жидкие азотные удобрения, например, водный аммиак, производство и применение которого обходится значительно дешевле, чем аммиачной селитры. В Московской области установили, что на удобрение ста гектаров картофеля аммиачной селитрой потребовалось 50 человеко-дней, водным аммиаком — 13. В Черкасской области на плантациях сахарной свеклы результаты соответственно были: 78 и 16 человеко-дней.

Из года в год растет производство карбамида, называемого также мочевиной. В его бесцветных кристаллах азота больше, чем в любых других удобрениях.

И УРОЖАЙ

ях,— 46 процентов. У аммиачной селитры довольно много недостатков: она жадно поглощает влагу, слеживается в глыбы, которые приходится потом дробить. Дожди уносят в реки, овраги примерно четвертую часть аммиачной селитры, так как она растворяется, словно сахар в стакане чая. Вот почему ее производство сокращается.

Некоторые удобрения, особенно фосфорные, страдают другим пороком — у них слишком много ненужных примесей. В силивините — 14 процентов питательных веществ, а 86 процентов — балласт. Четыре пятых суперфосфата — тот же балласт. А это, конечно, очень удорожает их применение.

Большое внимание сосредоточивается на выпуске новых видов удобрений, хорошо усваиваемых растениями, содержащих мало ненужных примесей. Таков двойной гранулированный суперфосфат. В одном его центнере столько же фосфора, сколько в двух с половиной центнерах одинарного гранулированного суперфосфата.

Поскольку предприятия раньше выпускали отдельные виды удобрений, перед внесением в почву их приходилось смешивать. Сейчас заводы начали выпускать комплексные удобрения. В аммофосе примерно 50 процентов фосфора и 12 — азота. Каждый его центнер заменяет два с половиной центнера суперфосфата и тридцать килограммов аммиачной селитры. В диаммофосе концентрация питательных веществ еще выше: 51 процент фосфора, 21 — азота.

Работникам сельского хозяйства также небезразлично, в каком виде поступают к ним удобрения: в порошке или гранулах. Многие удобрения, особенно фосфорные, выгоднее применять в гранулах, так как их удобно высевать вместе с семенами. А растению в этот наиболее ответственный период жизни фосфор крайне необходим. Пока заводы выпускают мало удобрений в гранулированном виде — около 20 процентов. К 1965 году положение должно резко измениться.

Несколько слов о микроудобрениях, своего рода витаминах, которые растения усваивают в сотых и даже тысячных долях процента.

Заводы производят борные, медные, молибденовые, марганцевые микроудобрения. Их список в ближайшее время увеличится. В частности, для растений необходимо железо, без него не образуются хлорофилловые зерна, которые из мертвой природы — воды и углекислого газа — с помощью солнечного луча создают органические вещества, идущие на строительство самого растения. Нужен им также цинк, кремний и еще ряд элементов.

Ассортимент удобрений, которые обещает нам большая химия, велик. К 1965 году будет 35 видов, тогда как в 1960 году их было 16.

Помимо удобрений, химическая промышленность снабжает сельское хозяйство замечательными средствами защиты урожая. Среди них — гербициды. Слово «гербицид» состоит из двух латинских слов: «гербо» — «трава», «цидо» — «убиваю». Одни гербициды истребляют растения сплошь. Их используют, чтобы очистить территорию от травы, мелкого кустарника. Другие действуют избирательно, уничтожают только сорняки. Прометрин губит сорняки зер-

новых и зернобобовых культур, не нанося никакого ущерба основным культурам. Симазин хорошо проявил себя на кукурузных полях. Тиллам, мурбетол, эптам освобождают от сорняков плантации сахарной свеклы. Диурон, монурон — хлопковые поля. Химиками создано довольно много гербицидов, но, к сожалению, путь их от лаборатории до завода порою длится годами.

Расправившись с сорняками, мы облегчим себе и борьбу с вредителями сельского хозяйства, которые находят жилье в сорной траве. Следовательно, мы быстрее очистим поля и от всякого рода вредных насекомых, грызунов и прочих нежеланных нахлебников наших полей. В сорняках гнездятся и опасные микробы, возбудители болезней. Отсюда они переходят на посевы, в сады, виноградники.

Сейчас выпускается свыше шестидесяти разных химических средств для защиты растений. К новым препаратам относится полихлорпинен — против свекловичного долгоносика. Когда полихлорпинена будет достаточно, какое облегчение это принесет женщинам, пока вручную собирающим этого прожорливого вредителя! Вновь освоенный ядохимикат хлорофос блестяще проявил себя на охране не только садов и лесов, но и зерновых культур: он уничтожает клопа-черепашку. На хлопковых плантациях метилмеркаптофос губит паутинного клещика.

Подсчитано, что каждый рубль, затраченный на химические средства защиты растений, обернется прибавкой урожая, увеличит доход от зерна примерно на 10 рублей, хлопка-сырца или волокна льна — на 17 рублей, картофеля — на 24 рубля, продукции садов — на 30 рублей, цитрусовых культур — от 40 до 70 рублей.

Не обошла вниманием химия и животноводство. Что больше всего волнует работников ферм? Положение с кормами, главным образом с белковыми, которые ничем не заменишь и которых в ряде хозяйств так недостает.

Синтетический белковый корм — мочевины можно давать жвачным животным, но в определенной дозировке. В минеральную подкормку — обесфторенный фосфат — входят насыщено необходимые для нормальной жизнедеятельности животного фосфор и кальций. Антибиотики не только предохраняют животных от заболеваний, но и повышают их рост. Гормональные препараты устраняют бесплодие овец, аминокислоты увеличивают привесы и т. д.

Сейчас ведутся упорные поиски замечательного комплексного средства, которое было бы одновременно и удобрением, и стимулятором роста, и гербицидом, и ядохимикатом, оберегающим растение от насекомых, болезнетворных микробов.

Необозримы возможности химии. А. М. Горький пророчески писал: «Химия — это область чудес, в ней скрыто счастье человечества, величайшие завоевания разума будут сделаны именно в этой области».

И работники сельского хозяйства с надеждой и нетерпением ждут, когда химия наряду с машинами станет полновластной хозяйкой на полях.

Я. КОРШ

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

У каждого народа есть своя любимая река. У русских — Волга, у египтян — Нил, у китайцев — Хуанхэ. У молдаван же любимейшая река — Днестр.

В напевных, мелодичных дойнах славят молдаване реку, дарующую плодородие. «На счастье берега Днестра изогнуты подковой», — поется в дойнах.

Да, испокон веков верили в народе: найти подкову — к счастью. И все-таки долго, очень долго не давалось это счастье в руки молдавским крестьянам, что не

разгибая спины трудились на полях и виноградниках.

Побывайте в Молдавии сейчас — и вы убедитесь, как изменилась судьба народа, отыскавшего заветную подкову.

Мы хотим рассказать о нескольких любопытных встречах на молдавской земле.

ЖЕНЩИНЫ САДЯТСЯ ЗА ПАРТЫ

Учетчица Валентина Спину — одна из лучших учениц вечерней школы.

«На образование у нас средств не жалеют!» — сказали нам в селе Копанке.

Это действительно так. И не только потому, что парни и девушки, работающие на фермах или в поле, на вопрос об образовании теперь все чаще отвечают: «Десять классов». В Копанке сели за парты и взрослые.

В 1959 году колхоз построил прекрасное здание для средней школы. Днем его заполняют ребяташки, а по вечерам их места занимают родители, старшие братья и сестры. В первый год вечернюю школу посещали 83 колхозника.

— Для начала не так уж мало, — радовался директор школы Захар Осипович Бурлаков. — Плохо только, что среди учащихся всего восемь женщин.

Не с одной и не с двумя беседовал директор, уговаривая односельчанок учиться: перед своими же детьми неудобно оставаться малограмотной. Да не многих убедил с первого раза. Все какие-то отговорки находились: одна на малых детей ссылалась; вторая уверяла, что поздно вроде бы ей за науку братья; третья живет на противоположном от школы конце села — значит, каждый вечер туда да обратно — это ж сколько лишних километров придется отмерить. Но директор стоял на своем: при желании эти трудности вполне преодолимы.

Обратился он за помощью в женсовет. Ему подсказали открыть при школе курсы кройки и шитья. Правление помогло найти руководителя, в школе отвели для занятий специальный класс. Желающих набралось хоть отбавляй!

А месяца через два заходит на занятия директор да и говорит:

— Что же получается? Для шитья и расстояние и дети не помеха, а как за науку взяться, так у вас сто причин для отказа?!

— И в самом деле, чего это мы! — поддержала Валя Спину. — Мужики у нас по восемь да по десять классов имеют, а чем мы хуже? Записывайте меня, товарищ директор. С сентября начинаю учиться!

В 1961 году школу посещали уже около 60 женщин. Но и на этом не успокоились. На одном из заседаний правления решили: тем, кто в колхозе хорошо работает и в школе в числе первых, ежемесячно начислять стипендию от 10 до 20 процентов заработка. Дело заключалось, конечно, не только в нескольких лишних рублях. Просто уж очень приятно было услышать, как говорят о тебе:

— Наш колхозный стипендиат!

Раньше ведь и слова такого в селе не знали.

В этом учебном году по вечерам классы заполняют уже 169 колхозников. И больше половины — женщины. Лучших выпускников вечерней школы колхоз на свои средства от-

правляет продолжать образование. Так уехали в Бендерское медучилище свинарка Елена Осадченко и садовод Федосия Погожа, подбирают кандидатов и для учебы в Кишиневском сельхозинституте.

Лукерья Михайловна Оцебрик помогает молодым постигать мастерство садовода.

САД
ЕЕ ЖИЗНИ

Совсем еще девчонкой была Луша Оцебрик, когда мастер-плодовод Франц Марьянович Герняк привел ее в совхозный сад. Стояла ранняя весна, легко и свободно взбегали на взгорки тонконогие яблоньки, окутанные розово-белым маревом.

В этот день и решилась судьба Луши. Стала она садоводом. На что уж был скуп на похвалу Франц Марьянович, но не мог не отметить сметливость и трудолюбие новой работницы. Хоть и несложные дела поначалу поручали девушке: окопать приствольный круг, побелить ствол, — но делала она все так быстро и аккуратно, а главное, с таким старанием, что любо-дорого смотреть.

Вскоре Герняк сказал ей:

— Вижу, Луша, до работы ты жадная. Пора за настоящее дело браться. Завтра я начинаю на соседнем участке кроны у яблонь формировать, со мной пойдешь.

Со стороны и не подумаешь, до чего это мудреное дело — создать у дерева такую крону, когда веток много, но они не мешают друг другу и не ломаются от тяжести плодов. Подойдет Франц Марьянович к яблоне, окинет ее взглядом — и за это мгновение каждая веточка будто успеет рассказать о себе: я с гнильцой — вырежь меня, а я чересчур потропилась расти, обогнала подруг — укороти меня, а меня не трогай, я как раз такая, как нужно.

Но подойдет девушка к дереву одна — и немеют ветки. Все одинаковые.

Умение приходило в труде, в упорной учебе. На пятую весну доверили Луше участок молодого сада.

Пришла она к своим питомцам. До чего же слабыми, беспомощными показались сначала они! Чуть свет Луша у яблонь. По несколько раз окапывала, подкармливала, от вредителей очищала... И когда замерили через год прирост, агроном только головой покачал: в среднем на 65 сантиметров выросли деревья. Такого в совхозе еще не бывало.

За высокие достижения послали Лушу Оцебрик в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Было это в последний предвоенный год.

Немало пришлось испытать Лукерье в войну: мрачную духоту эвакуационных эшелонов, смерть близких, голод. А в 1942 году пришло твердое решение — идти в армию, самой мстить врагам, нести освобождение в родные места. До последнего дня войны была фашистов красноармеец Оцебрик, с двумя боевыми наградами вернулась она в родное село.

Вернулась... и не узнала своего сада — того сада, что постоянно жил в ее памяти. Испоганили его проклятые. Одни деревья на дрова вырубил, другие поломали. Смахнула Лу-

керья Михайловна навернувшиеся слезы и твердо сказала себе: «Ничего, все возродим. За это и воевали».

Дали Лукерье Михайловне звено, стала она хозяйкой на 25 гектарах. Кой-какие деревья подлечили, рядом посадили новые. Чередой потянулись дни, заполненные до отказа работами. А их становилось все больше и больше. Теперь приходилось еще и учить молодежь. Не держала Лукерья Михайловна свой опыт в кулаке: лучше сама норму не выполнит, а подруге растолкует все. Ведь даже лестницу при уборке урожая и ту с умом поставить нужно, чтобы крону не поломать, яблоки не сбить.

Учила других, не забывала копить знания и сама. Например, главный агроном совхоза И. А. Сигаич разработал новый метод обрезки яблонь с учетом биологических особенностей пород, сортов, возраста деревьев. Не все сразу поверили в новое, особенно упорствовали старые садоводы.

— С такой обрезкой совхоз по миру пустишь, — говорили они.

Первой поддержала агронома Оцебрик. Раньше всех освоила новую обрезку. И результаты не замедлили сказаться: что ни осень, в звене Оцебрик собирали урожай не менее двухсот центнеров яблок с гектара...

«Вот что значит с наукой дружить», — думала Лукерья Михайловна. И когда три года назад на базе совхоза имени Фрунзе был открыт техникум, уговорила она нескольких девушек из своего звена поступить туда.

— Вам, молодым, понять нужно, — любит повторять Лукерья Михайловна, — что теперь пóтом да мозолями многого не добьешься. Я вот вспоминаю, как начинала работать: пристольный круг окопать — бери лопату, опрыскивание произвести — запрягай лошадь, руками качай раствор из бочки. А сейчас тракторы, опрыскиватели, дождевальные установки — все к твоим услугам. Рукам меньше дела стало, зато голове работы прибавилось.

ДОТОННЫЕ НА ВЫДУМКУ

Хорошо работает навозоподборщик, сделанный колхозными умельцами.

Парканы... Далеко за пределами Тираспольского района славится хозяйство этого села. Богатейшие урожаи фруктов, винограда, овощей получают здесь. И главный помощник колхозников — техника. На полях, в садах и виноградниках работают тракторы самых различных марок, дождевальные установки, опрыскиватели, автомашины.

Казалось бы, с механизацией в Парканах полный порядок. Но стоило председателю колхоза Дмитрию Ивановичу Мищенко зайти на ферму, как беспокойно становилось у него на душе: мало еще механизированы работы в животноводстве.

Собрал Дмитрий Иванович однажды механизаторов и завел разговор о наболевшем:

— У всех нас, товарищи, есть матери, сестры, жены, и многие из них трудятся на фермах. Пора нам подумать о том, как облегчить их работу. Животноводство мы расширяем, строим новые фермы.

— Верно! — поддержали механизаторы председателя. — Вот только машины «Сельхозтехника» подчас присылает вроде нашей корнерезки. Производительность у нее — руками больше сделаешь. Так и пылятся корнерезка на ферме, в углу.

— А вы по пословице действуйте, — усмехнулся председатель. — На «Сельхозтехнику» надейся, а сам не плошай! Что у нас, людей дотошных на выдумку нет?

Так возникло в колхозе общественное конструкторское бюро. Председателем выбрали главного инженера мастеровских Дмитрия Васильевича Градинаря.

С того памятного собрания прошел год. Что же изменилось на фермах?

Заходим в один из коровников. Как раз начинается полуденная дойка. По рельсам, проложенным вдоль стометрового коровника, движется площадка размером два метра на полтора. На ней смонтирован вакуум-насос, от которого работают доильные аппараты. Тут же размещены и бак с теплой водой для подмывания вымени и флаги для сливания молока.

Вот площадка остановилась. Доярка быстро подмывает коровам вымя с помощью шланга, подключает доильные аппараты. Через 10 минут коровы подоены, площадка может двигаться дальше.

— Работать по-новому стало очень хорошо, — рассказывает Мария Никитична Салобане. — Воду для подмывания таскать больше не надо, бидоны с молоком — тоже, а главное,

ручная дойка навсегда в прошлое ушла. Сколько времени освободилось! У меня сестра Ирина, тоже доярка, три года десятый класс закончить собиралась, да все никак не получалось.

— А в этом году пойду учиться, — говорит Ирина. — И не я одна: Маша Лукина собирается и еще многие. С механизацией у нас появились свободные дни. Почему не учиться!

Колхозные умельцы создали еще несколько замечательных машин. По праву гордятся в Парканах корнеклубемойкой. Конструкция ее очень проста. К цилиндру диаметром 80 сантиметров и длиной 4,5 метра с одной стороны приварен бункер, куда засыпают сахарную свеклу, морковь и другие корнеплоды. По всей длине цилиндра просверлены отверстия, в которые по трубам под давлением подается вода и тщательно промывает корнеплоды. Шнек выталкивает их затем в корнерезку. За час эта машина, приводимая в движение электромотором или трактором, готовит 25—30 тонн корма.

Не приходится теперь женщинам думать и об уборке навоза. Навозоподборщик собственной конструкции всего лишь за полчаса очищает коровник.

У колхозных конструкторов большие планы. Сейчас они работают над приспособлением для загрузки кормов в кормораздатчик. На очереди механизация очень трудоемкого процесса — укрытия виноградных лоз на зиму. И сделают это наверняка.

В. БАШАРИНА

Фото А. ШАПИРО
и Д. ШЕВЧУКА.

Секретарь парткома Лабинского производственного управления П. С. Федосеев — частый гость бригады.

ПЯТАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

В колхоз «Кавказ» Лабинского производственного управления Краснодарского края я приехал в самый разгар уборки. Полевой стан, куда привез меня секретарь парторганизации Владимир Петрович Борисов, можно было бы принять за небольшой дом отдыха, если бы не надпись на арке: «Бригада № 5 коммунистического труда».

Вечерело. Косые лучи солнца золотили пирамидальные тополя. Ветерок еле шевелил листву раскидистых вишен. Клумбы дышали медовым запахом цветов. Окруженные этой зеленой красотой, стояли в ряд три уютных домика: общежитие механизаторов, столовая и контора с красным уголком. Было тихо, только издали, с полей, доносился приглушенный шум моторов.

— Располагайтесь. С Анной Васильевной и ее механизаторами завтра познакомитесь. Все в поле, в стане один сторож остался. Побеседуйте с ним, если скучно будет,—

сказал Владимир Петрович и почему-то с хитрецей улыбнулся.

В красном уголке я полистал сельскохозяйственные журналы, подшивки газет, книги. Послушал радио, посмотрел по телевизору конец какого-то фильма. Когда вышел на крыльцо, уже совсем стемнело. Под фонарем сидел, ссутулясь, сторож. Я попробовал с ним разговариваться.

— Как в бригаде дела идут?

— Обыкновенно...— безразлично ответил он.

— Лучше по новому методу работать стало?

— А кто его знает! Мы в свою пору без всяких этих методов обходились.

— Но ведь бригада по 40 и больше центнеров пшеницы с гектара собирает!

— Урожай и вправду хороший, чего уж тут!..— как-то нехотя согласился он.

Разговор не клеился. А там, за лесополосой, рокотали натужно тракторы и комбайны...

Утром разбудила меня песня. Веселая, звонкая, как само утро. «Урожай наш, урожай, урожай высокий!» — летели в небо слова.

На веранде сидели за сдвинутыми столами механизаторы — плечистые, загорелые, с обветренными лицами. Среди них я увидел сероглазую женщину в простеньком платье. Обаятельная, по-девичьи озорная улыбка молодила ее. Это и была Анна Васильевна Черепова, командир механизированной бригады колхоза.

— Зарядка бодростью после завтрака, — в шутку сказала она, когда песня кончилась, и тут же стала серьезной. — Значит, так, друзья...

Получив задание, механизаторы заспешили к машинам. Вскоре и мы с Анной Васильевной ехали на линейке вдоль тенистых лесополос, ровно обрамляющих одиннадцать больших полей бригады. Вот кукуруза, которая укроет с головой даже высокого человека. Вот подсолнухи, склонившие отягощенные семенами головки. Наливаются соками корни сахарной свеклы, посаженной с необычайной точностью. И вот, наконец, гордость Кубани — пшеница.

Самоходный комбайн вбирает в себя ленту валка, из бункера бьет волнистая струя зерна.

— Тут по 50 центнеров с гектара возьмем, не меньше! — кричит бригадир комбайнер Иван Шелухин и победно размахивает шапкой.

— Поглядел нынче кукурузу: почти у каждого стебля по два початка. А, Васильевна? — по-детски радуется седоватый механик Николай Антонович Бутенко.

Я смотрел на Черепову, на механизаторов, обступивших ее. Что-то большое, светлое родило этих людей. И мне вдруг вспомнился ночной сторож. Когда мы отъехали, я спросил Анну Васильевну:

— Почему ваш сторож такой... ну, недовольный, что ли?

— Евдошенко-то? Он у нас вообще скептик, мы уж привыкли. Только и слышишь от него: «Не так надо, не будет дела». А дела наши — вот они! — Анна Васильевна кивнула на поле. — Между прочим, он ведь председателем колхоза когда-то был, потом бригадиром. До сих пор старину-матушку забыть не в силах. На глазах таких вот людей перестройка труднейшая шла всего сельского хозяйства. Не поняли они этого.

— Расскажите о вашем почине, который на всю Кубань гремит...

— Не мой это почин. Наш! Всей пятой бригады, — перебила меня Черепова. — Да лучше других расспросите, со стороны-то виднее.

От других я и узнал историю пятой механизированной бригады...

* * *

Было это давно и недавно. Недавно по времени — всего с десяток лет назад. И давно — слишком большой пройден путь. Сейчас кажется даже странным, что тогда на землях пятой бригады размещался целый колхоз.

1953 год. В Кремле работал сентябрьский Пленум ЦК КПСС. А в Краснодар из станицы Курганной ехала ученица Анна Черепова учиться на курсах председателей колхозов.

И вот уже руководит Анна бригадой. К диплому агронома, к знаниям прибавился опыт. Памятен ей октябрь 1958 года. Из недр народных выбился наружу, забурлил замечательный родник — движение за коммунистический труд.

— Будем бороться за звание? — спросила она членов своей бригады. — Без поблажек, по большой правде!

— Так это же только на заводах да фабриках борются, — ответил кто-то.

— А мы что, не коммунизм строим?

Шло время. На полях появлялись новые машины, совершенствовалась агротехника, год от года росли урожаи. И вот настал день, который подвел итог длинной веренице трудовых буден.

В феврале этого года бригаде № 5 в торжественной обстановке присваивали звание коммунистической. Клуб до отказа заполнили колхозники. Приехал секретарь парткома управления Павел Семенович Федосеев. Председатель колхоза Андрей Петрович Хомяков говорил с трибуны:

— На протяжении ряда лет бригада Череповой занимает в колхозе первое место по урожайности...

Анна Васильевна слушала и думала о своих людях, о том «ряде лет», на протяжении которых они вместе боролись за почетное звание. В памяти всплывали, казалось бы, незначительные случаи.

Однажды Черепова не заметила, что на пятом поле, которое прихватил дождь, валки не совсем просохли, и послала убирать их комбайнера Шелухина. Позже приехала и удивилась: валки не тронуты, комбайнера нет. Шелухина она застала на третьем поле.

— Сыроватая там еще пшеничка, — сказал он, — обмочиваться плохо будет. Пускай малость на солнышке прогреется. А я, чтобы времени не терять, решил пока здесь поработать...

Комбайнер заботился не о норме, не о своем заработке, а об успехе общего дела.

Или взять жатки. Были среди них старые, лафеты которых постоянно ломались. Погода же стояла капризная — каждый хороший день дорог. И трактористы Юрий Сорокин, Егор Овсянников, машинисты-лафетчики Савелий Яровенко, Николай Коробкин ночами ремонтировали их в стане. Наутро выезжали на поля. А могли бы, как бывало раньше, сидеть и дожидаться, пока жатки наладят в мастерской.

Как обрадовалась Анна Васильевна, когда сами трактористы попросили ее выписать побольше специальных журналов. Они подолгу обсуждали интересные статьи, спорили. Зимой учились в школе повышения квалификации, чтобы сменить третий класс на второй, второй на первый. Или...

— Сами знаете, подкузьмила нас прошлым летом погода, — продолжал председатель. — Но даже при таких на редкость неблагоприятных условиях пятая бригада сумела собрать на круг кукурузы в зерне по 28 центнеров с гектара, подсолнечника — по 24 центнера, озимой пшеницы — по 32!

Анна же Васильевна вспоминала о том, как труд, озаренный светлой целью, менял людей, делал их любовью к земле осмысленной, ответственной.

— Сегодня мы поздравляем пятую бригаду с присвоением почетного звания — оно честно заслужено! — закончил председатель под одобрительный гул зала.

К Череповой подошел секретарь парткома:

— Рад за тебя. Спасибо! Порадовала. Кстати, сколько в твоей бригаде человек?

— Девяносто один. А раньше на этих площадях почти пятьсот колхозников работало, — не без гордости ответила Анна Васильевна.

— Так ведь то раньше, когда урожай почти голыми руками брали. А теперь... — Павел Семенович стал загибать пальцы, — уборка зерновых механизирована целиком. Свеклоуборочный комбайн у тебя есть? Есть. Кукурузоуборочный, он же для подсолнуха? Есть. Навесной культиватор для прополки кукурузы и подсолнечника? Есть. Черепова еще не понимала, куда клонит секретарь парткома.

— А люди твои, — продолжал Федосеев, — разве они по-прежнему работают? Вот теперь помножь их умение, их хотение работать на всю свою технику и задумайся.

— Все это правильно, Павел Семенович, только...

— Только часто допускаем мы по привычке одну ошибку: говоря об урожае, называем лишь цифру. А не задумываемся, сколько же труда положено на эти центнеры, сколько человек было занято здесь. Понимаешь? Получил ты высокий урожай — молодец, а вот если тот же урожай научишься при меньших затратах труда получать, — значит, молодец втройне. Важен еще и выход продукции на каждого человека бригады...

* * *

Приближался сев. Теперь на поле выйдет не просто бригада № 5, а коллектив коммунистического труда. Нужно работать как-то иначе, лучше. Но как? Ведь на своих колхозников Анна Васильевна пожаловаться не вправе.

Подсыхал разбухший от вешних вод чернозем. Все чаще вспоминала Черепова разговор с секретарем парткома.

И однажды Анна Васильевна, еще не совсем уверенная в своих замыслах, вошла в кабинет секретаря парторганизации колхоза Борисова.

— Посоветоваться надо.

Минут через десять парторг Борисов ввел смущенную Анну Васильевну к председателю колхоза.

— Послушайте-ка, Андрей Петрович, что она надумала! Черепова заговорила:

— Вы знаете, машин разных моя бригада имеет в достатке. Но вот что получается. Помимо полеводов, есть у нас два механизированных звена — кукурузоводческое и свекловичное. И каждое звено, понятно, за свою культуру больше радеет. Пошлешь кукурузоводов на свеклу, поглядишь — уже не та работа! И наоборот. Твое поле, мое поле... Надо эти межи стереть. Пора от звеньев переходить к механизированной бригаде! Вот тогда ни единого клочка земли обиженным не останется. Кукуруза, свекла, подсолнечник, пшеница одного хозяина иметь должны — механизатора!

Анна Васильевна ждала ответа председателя. Тот молча расхаживал по комнате. Потом сказал:

— Так, так... Все это справедливо. Но какая выгода, если на той же площади будет занят тот же состав бригады?

— Зачем тот же? Вот тут я прикинула...

Черепова вынула тетрадку с подсчетами и стала объяснять свой план.

В механизированной бригаде все культуры будут выращивать механизаторы при минимальной затрате ручного труда. Вместо 91 человека (22 механизатора и 69 колхозников) потребуется всего 14 механизаторов и 27 полеводов для подсобных работ. 50 человек можно направить в другие бригады, на фермы, на свиноводческий племзавод.

— За счет чего? Широкозахватную технику двинем — раз. Работать станем на повышенных скоростях — два. Да мало ли еще возможностей! Трактористы наши на пахоту, на культивацию обязательно с прицепщиками выйдут. Это ведь старая практика, она еще от МТС сохранилась. Вполне обойдемся и без прицепщиков. Или почему бы трактористу, к примеру, когда он зерно на ток привез, не помочь его разгрузить? А зачем бригаде персональный кузнец, неужели с кузнечно-слесарными работами сообща не справимся?

И, конечно, повышение культуры земледелия высвободит народ. Высей точно семена кукурузы и подсолнечника — не требуется прорывки растений. Для прореживания сахарной свеклы применим сетчатые бороны-скребницы, для уничтожения сорняков в рядах — прополочные бороны. Вообще же основную работу по уничтожению сорняков с осени надо сделать...

Председатель Хомяков и комиссар (так с уважением называли в колхозе Борисова) весело переглядывались: они уже оценили почин Череповой.

— Но необходимо одно условие, — закончила Анна Васильевна. — Надо, чтобы механизатор не одним днем жил: выполнил норму — и ладно. Надо, чтобы он постоянно о конечном результате думал. Об урожае. И чтобы заинтересован в нем был. Словом, сознательность надо рублем подкрепить.

Андрей Петрович Хомяков, обычно неторопливый, сдержанный, обнял Черепову.

— Расцеловать тебя мало! Конечно, оплата нужна аккордно-премиальная.

— Правильно, — подхватил парторг. — Доходы бригады от всего урожая — в общий котел. В конце года из них вычтем оплату полеводов, а остальное — механизаторам.

Анна Васильевна продолжала:

— Теперь они еще больше будут заинтересованы ручной труд с полей выгеснить. Как раз то, что нам нужно!

— А ты уверена в своих людях? — вдруг спросил Черепову председатель. — Ведь все это по плечу только сильному, дружному коллективу.

— Да! — без колебаний ответила она.

— Тогда завтра же собрание бригады проведем, — сказал парторг. — В добрый час!

...Внимательно слушали механизаторы своего бригадира. Пускали низом табачный дымок, перешептывались. На лицах некоторых Черепова читала сомнение, ей казалось, что ее не все понимают. Да так, впрочем, оно и было. Когда она кончила говорить, молчание затянулось. «Неужели не поймут?» — волновалась Анна Васильевна.

— А как все же с оплатой, если без норм?.. — краснея, спросил комбайнер Андрей Дергачев.

Черепова терпеливо объясняла:

— Скажи, как у тебя месячный заработок в прошлом году прыгал?

— Ну, от 30 рублей до 130...

— То густо, то пусто? Так? Теперь же ты ежемесячно с учетом классности будешь авансом 60 рублей получать. А в конце года, когда начислят нам доход за урожай, остаток после вычета аванса разделим на всех. Выгодно?

— А те, кто хуже других работать будет, тоже равную со всеми долю получат? — поднялся тракторист Виктор Долгополов.

На этот вопрос отвечать не пришлось. Механизаторы зашумели, заговорили наперебой:

— Тех, кто хуже, быстро подтянем!

Успокоил всех старый механик Николай Антонович Бутенко:

— Тихо, ребята! Все ясно: выгода тут прямая и нам, и колхозу, и государству. Теперь мы основная сила в бригаде, вроде ведущего моста. Верь, Васильевна, стыдиться за нас не будешь!

Вскоре со страниц газеты «Советская Кубань» прозвучало на весь край письмо механизированной бригады Анны Череповой, принятое на этом собрании:

«К вам наше слово, сельские труженики Кубани! Давайте соревноваться за резкое повышение производительности труда, за максимальный выход продукции на каждого человека...»

Потом потянулись дни упорной борьбы за урожай. Работа по-новому еще больше сдружила людей.

Появилась на посевах сахарной свеклы минирующая моль. Урожай под угрозой, а распыляющая установка одна. Так Василий Калмыков, опрыскивая свеклу ядохимикатами, выполнял по три нормы.

Трудно комбайнеру проверить и смазать перед работой все узлы такой машины, как самоходный комбайн «СК-4». А для вывоза зерна к нему прикреплены два трактора с тележками (механизаторы решили не отнимать у колхоза в эту горячую пору грузовики). Трактористы Николай Коробкин, Георгий Рыженко не прилягут в тени. Они помогут товарищу. И так во всем. Один за всех, все за одного — закон пятой механизированной.

А результаты? Таких, признаться, не ожидала и сама Анна Васильевна. Цифры, занесенные в тетрадку весной, кажутся теперь робкими.

Собрано по 43,7 центнера пшеницы на площади в 443 гектара. Каждый из механизаторов бригады произвел в среднем по 10,3 тысячи пудов зерна колосовых культур. Средний месячный заработок механизатора возрос в полтора раза, а себестоимость центнера зерна колосовых снижена на 16 копеек. Вот они, успехи бригады Анны Череповой!

* * *

Мы сидели с Анной Васильевной на веранде столовой полевого стана. На кухне хлопотала, суетилась повариха: скоро механизаторы придут ужинать.

— Красиво у вас поют, — заметил я.

Черепова посмотрела на дорогу, по ней ехали к элеватору машины с зерном.

— Помните фильм «Кубанские казаки»? — неожиданно спросила она. — Так его в нашем колхозе снимали. Да-да, я сама в массовых сценах участвовала. Очень хорошие песни к фильму сочинили. А вот почему-то не пелись они в то время от души. Видно, для песни, кроме музыки, еще что-то нужно. — Анна Васильевна улыбнулась. — Вы со станцией нашей познакомились? Новый клуб посмотрите, полюбуйтесь, как наши девчата в субботу принарядятся. В универмаг, в магазины, в школу, в ясли зайдите. В домах у колхозников побывайте. У нас за эти десять лет почти все заново построились. И все это мы своим трудом заработали. Теперь и петь хочется!..

И. БОБРОВ

Фото А. ГЕРИНАСА.

В РАЙОНЕ НОВОСТРОЕК.

(Фрагмент).

А. ПУШНИН.

КУРОВОД.
А. БРИЕДИС.

МОГУЧИЙ УСКОРИТЕЛЬ

Мировая социалистическая система не насчитывает еще и двух десятилетий своей истории: она родилась как результат победы во второй мировой войне и бурного развития революционных событий в странах Европы и Азии.

Но, несмотря на молодость, система социализма уже добилась выдающихся успехов в развитии экономики и культуры, стала играть определяющую роль во всей международной жизни.

В последние два-три года в большинстве социалистических стран в основном завершены коренные революционные преобразования. Социалистический сектор стал решающей формой хозяйства. Доля социалистического сектора в промышленности социалистических стран достигает приблизительно 98 процентов. В сельском хозяйстве на этот сектор приходится около 90 процентов посевных площадей.

В настоящее время страны социализма дают более 38 процентов мирового промышленного производства, то есть на одну треть человечества, живущего в странах социалистического содружества, приходится значительно больше трети промышленной продукции, производимой на земном шаре, а значит, и производство на душу населения у них выше, чем в несоциалистическом мире.

Этот огромный скачок в индустриальном развитии тем более значителен, что до победы социализма большинство стран, входящих ныне в великое содружество, были отсталыми в промышленном отношении.

Социалистические страны собирают сейчас примерно 47 процентов мирового урожая зерновых.

Восхищающие весь мир успехи стран социализма в укреплении своей экономической мощи, в развитии науки и техники — результат напряженных усилий трудящихся этих стран, результат их тесного сотрудничества и взаимной помощи.

Социализм создал новый тип экономических и политических отношений между государствами и народами, основанный на принципах пролетарского интернационализма, полного равноправия, братской взаимопомощи, взаимного уважения, независимости и суверенитета.

Высшей формой братского сотрудничества явилось создание Совета Экономической Взаимопомощи. Страны, входящие в эту организацию, получают возможность в полной мере использовать преимущества социалистической системы хозяйства, международного разделения труда, специализации и кооперирования производства — этих наиболее прогрессивных форм сотрудничества.

«Дальнейшее укрепление мировой социалистической системы, — говорил Н. С. Хрущев, — совершенствование политических и экономических взаимоотношений между странами социализма, будучи могучим ускорителем экономического развития социалистических стран, еще больше умножит силу воздействия социализма на ход событий во всем мире и тем самым внесет огромный вклад в дело социального прогресса всего человечества».

Совещание первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи, проходившее в Москве в конце июля нынешнего года, показало, что сотрудничество стран социализма крепнет год от года. За последний год досрочно введено в эксплуатацию несколько участков трансъевропейского нефтепровода «Дружба», который прокладывается силами пяти социалистических стран от Волги до Дуная и Одера. Шагнули через границу мачты высоковольтной линии электропередач «Мир»: к ранее объединенным энергосистемам Венгрии, ГДР, Чехословакии, Польши присоединилась Западноукраинская энергосистема, электроэнергия которой пошла на заводы, фабрики, шахты Венгрии.

Ныне сотрудничество социалистических стран приобретает новые формы. Богатая залежами бокситов Венгрия испытывает недостаток в электроэнергии. Теперь эти бокситы будут перерабатываться в Советском Союзе, а Венгрия станет получать выплавленный алюминий в слитках. Польша и Советский Союз начнут сотрудничать в производстве калийных удобрений. Болгария и Румыния проектируют мощную электростанцию на Дунае. Такую же станцию на Дунае будут совместно строить Венгрия и Чехословакия. Между СССР и большинством стран — членов СЭВ заключено соглашение о строительстве на территории нашей страны Кингисеппского фосфоритного рудника.

Повсюду в мире трудящиеся с огромным интересом следят за развитием социалистических стран. Их успехи в области экономики привели к глубочайшим революционным сдвигам в международных отношениях. Все народы поняли, что от успехов стран социализма зависят судьбы мира, что только социалистические страны в состоянии предотвратить мировую термоядерную катастрофу. За мирными предложениями Советского Союза и других социалистических стран стоит сейчас их огромная экономическая и военная мощь, и с этим приходится считаться.

Вот почему каждый истинный марксист-ленинец всегда считал, что забота об укреплении мировой социалистической системы и международного коммунистического движения есть высшее проявление пролетарского интернационализма. Трудно поэтому понять китайских руководителей, которые с высокомерным пренебрежением смотрят на экономические успехи социалистических стран, на стремление КПСС и других братских партий повышать жизненный уровень народа.

Ленин не раз подчеркивал, что капитализм будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда, а значит, и более высокий уровень жизни трудящихся. А китайские руководители утверждают, будто экономические успехи социалистических стран и повышающийся жизненный уровень их народов подрывают революционный дух рабочего движения на Западе. «Кивая на то, что наша партия, — справедливо говорится в Открытом письме ЦК КПСС, — провозглашает своей задачей борьбу за лучшую жизнь для народа, руководители КПК намекают на какое-то «обуржуазивание» и «перерождение» советского общества. По их логике получается, что, если народ в лаптях ходит и пустыи щипает из общей миски хлеба, это коммунизм, а если трудящийся человек живет хорошо и хочет завтра жить еще лучше, то это чуть ли не реставрация капитализма!»

Коммунисты и подавляющее большинство трудящихся в капиталистических странах высоко ценят огромную работу, проделанную социалистическими странами в строительстве новой жизни. Они знают, что сейчас страны социализма прокладывают путь вперед и для них. Успехи стран социализма вдохновляют трудящихся капиталистических стран, народы, борющиеся против колониализма, революционизируют широкие народные массы.

Именно к социалистической системе обращают сейчас взор народы Азии, Африки и Латинской Америки.

«Силой своего примера, — говорится в Московском Заявлении 1960 года, — мировая система социализма революционизирует умы трудящихся капиталистического мира, вдохновляет их на борьбу против капитализма, в огромной мере облегчает условия этой борьбы».

Опыт мировой социалистической системы подтверждает необходимость тесного союза стран, отпадающих от капитализма. Курс на изолированное, обособленное от стран мирового социалистического содружества строительство социализма, проповедуемый ныне китайскими руководителями, не сплочивает, а разъединяет народы перед объединенным фронтом империалистических сил.

Братская взаимосвязь, тесное экономическое сотрудничество, координация планов не случайны. Все это основывается на единой общественной, экономической и политической системе, на общности целей наших стран. Чтобы быть еще более могущественными, социалистические страны должны спланировать свои ряды, укреплять свои разносторонние связи.

Владимир Ильич Ленин еще в 1918 году писал о том, что в будущем «...все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся... Сейчас нужно одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив».

Этому ясному, отвечающему интересам трудящихся указанию Ленина китайские «теоретики» противопоставляют свою, антимарксистскую точку зрения «опоры на собственные силы». Они стараются доказать, что отношения братского сотрудничества, сложившиеся между странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи, будто бы ведут к тому, что воля одних стран навязывается другим, ущемляются независимость и суверенитет социалистических государств, извлекаются односторонние выгоды и наносится ущерб интересам братских народов.

Вряд ли кого-нибудь они смогут убедить в том, что значительная экономическая помощь, оказанная Китаю только нашей страной, оказалась для него несущественной и даже вредной. Не удастся сбросить со счетов то, что при активной помощи Советского Союза в Китае было построено 198 промышленных предприятий, цехов и объектов, оснащенных новейшим оборудованием, созданы такие новые отрасли промышленности, как автомобильная, тракторная, авиационная и другие. Не удастся предать забвению и то, что Китай безвозмездно получал научно-техническую документацию, что тысячи специалистов и рабочих высокой квалификации были подготовлены в нашей стране, и т. д. и т. п.

Бескорыстие и щедрость нашего народа известны всему миру. Все партии и правительства стран, входящих в Совет Экономической Взаимопомощи, уже дали достойную отповедь неумной клевете руководителей КПК. Но они упорно продолжают твердить одно и то же.

Клеветой и злобными измышлениями китайские руководители хотят прикрыть свои действительные намере-

ния — вбить клин между Советским Союзом и другими социалистическими странами, стараясь изо всех сил помешать развитию еще более тесного сотрудничества социалистических стран. Линия изолированного строительства социализма, проводимая китайскими руководителями, — это яркое проявление их национализма, национальной ограниченности.

Великий Ленин постоянно призывал быть верными сторонниками интернационализма. Он требовал железной метлой выметать мусор национализма — опасной болезни вообще и тем более опасной, когда ею заболевают коммунисты. Будто предвидя политику китайских руководителей, направленную на раскол и подрыв социалистического содружества, он писал: «Кто сказал А должен сказать Б» — кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение, того не смущает даже и то, что стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе, того не смущает даже, что своей тактикой разъединения и раздробления он превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков».

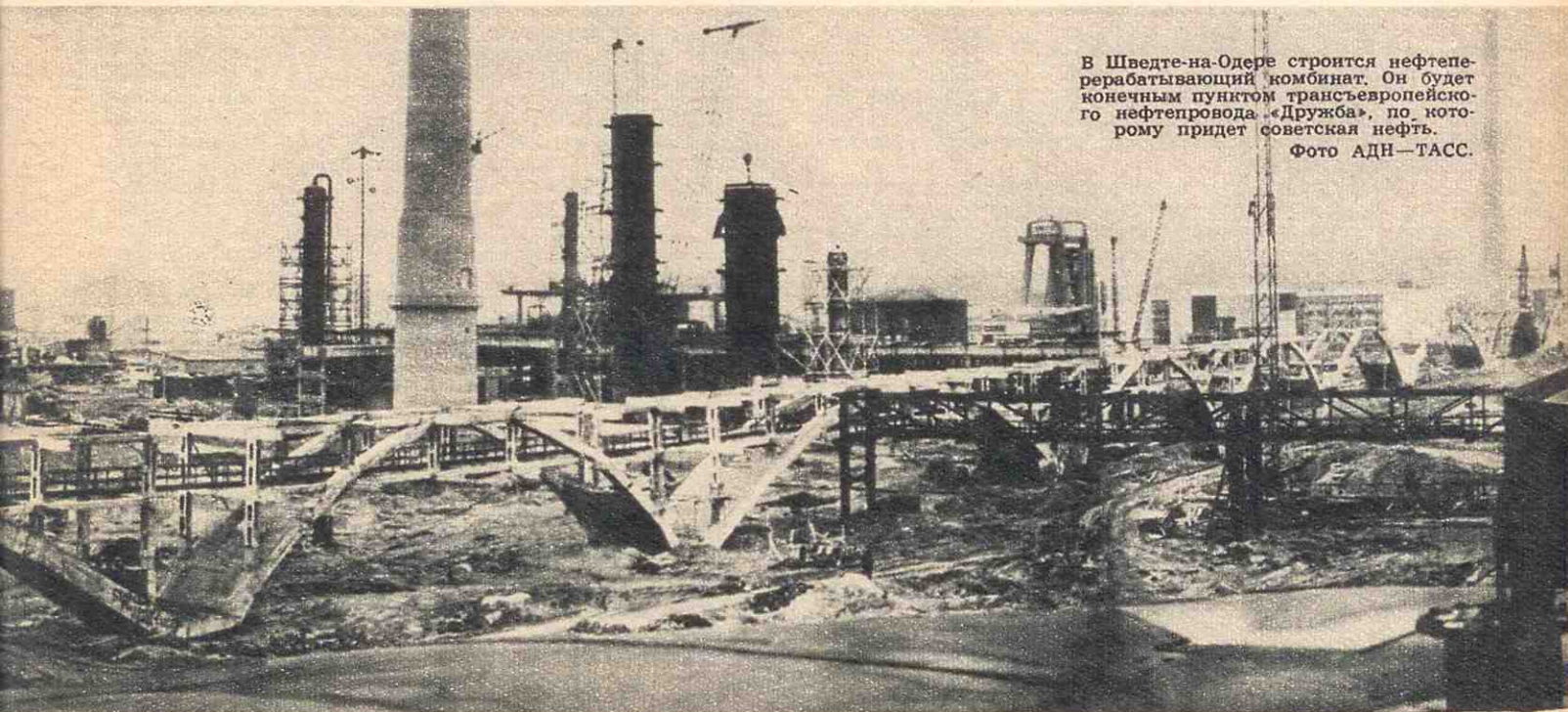
Китайские руководители в своем «новом революционном походе» опираются не на классовое деление, о котором они любят рассуждать, а на деление по географическому признаку и на объединение по цвету кожи. От этой теории за версту несет духом национализма и шовинизма.

Руководители КПК перестали считаться с опытом братских партий, претендуя на роль единственных толкователей марксизма-ленинизма. Всех, кто не согласен с их точкой зрения, кто придерживается марксистско-ленинских положений, они безапелляционно зачисляют в ревизионисты.

Руководство КПК, выступая с нападениями на мировую систему социализма, на страны, входящие в Совет Экономической Взаимопомощи, отказалось продолжать экономический обмен, расширять установившиеся внешнеторговые связи с теми социалистическими странами, которые не поддерживают авантюристическую политику в области международных отношений. В результате многие социалистические страны потерпели тяжелые убытки. Не выиграл от этого и китайский народ.

Мировое коммунистическое движение решительно отвергает ошибочный сектантско-авантюристический курс китайского руководства, наносящий вред делу социализма.

В. ЕВГЕНЬЕВ

В Шведте-на-Одере строится нефтеперерабатывающий комбинат. Он будет конечным пунктом трансевропейского нефтепровода «Дружба», по которому придет советская нефть.

Фото АДН—ТАСС.

ТОВАРИЩ «АБСОЛЮТ»

В письменном столе у председателя петербургского совета присяжных поверенных Дмитрия Васильевича Стасова лежали две фотокарточки. Дочь его, гимназистка Елена, часто разглядывала их. На одной была сфотографирована молодая женщина с энергичным, смелым лицом — Вера Засулич, покушавшаяся на жизнь петербургского губернатора. На другой — милая девушка с огромными задумчивыми глазами и толстой косой — известная революционерка-народоволка Вера Фигнер, приговоренная к бессрочной каторге.

Дмитрий Васильевич был одним из адвокатов, защищавших народовольцев на знаменитых в ту пору политических судебных процессах «Ста девяносто трех» и «Пятидесяти».

Нередко Дмитрий Васильевич брал подзащитных на поруки. Они жили или в его просторной петербургской квартире, или на даче, в деревне Заманьловке, и дети часто встречали их.

Судьба отца вызывала у Елены недетские раздумья. Дмитрий Васильевич был человеком, по-рыцарски верным своим убеждениям: он десятилетиями оказывал материальную поддержку Н. Г. Чернышевскому, отбывавшему на Нерчинских рудниках каторгу, за ним был установлен негласный надзор полиции, и фамилия его значилась в списках неблагонадежных. Бескорыстная общественная деятельность Дмитрия Васильевича вызвала к нему неприязнь Александра II, раздраженно сказавшего по его адресу: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова!» — и распорядившегося в 1880 году выслать его из Петербурга.

Семья Стасовых постоянно была в центре русской общественной жизни. Брат Дмитрия Васильевича — Владимир Васильевич Стасов — знаменитый художественный и музыкальный критик, вдохновитель художников-передвижников и композиторов, входивших в «Могучую кучку».

Сестра его, Надежда Васильевна Стасова, возглавляла общество, организовавшее в России первые Высшие женские курсы, и была их первой директрисой.

Мать Елены — Поликсена Степановна Стасова вместе с Надеждой Васильевной участвовала в организации высших женских курсов и первых Воскресных школ для женщин и руководила обществом «Детская помощь».

Стасовы были целеустремленными, на редкость работоспособными людьми, исповедовавшими «религию труда», как образно говорил Владимир Васильевич.

В гимназии Елена отличалась самостоятельностью мыслей и неистощимым, ставовским трудолюбием. Она обладала необыкновенной памятью, позволявшей ей наизусть запоминать целые страницы. В последнем классе она увлеклась историей и политэкономией. Прочла двухтомную «Политическую экономию» Джона Стюарта Милля с предисловием Чернышевского, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, сочинения Ласкаля и, наконец, «Капитал» Маркса.

Окончив с золотой медалью гимназию, Елена Дмитриевна стала преподавательницей женской Воскресной вечерней школы, в которой учились ткачихи и работницы табачных фабрик, и одним из организаторов «Подвижного музея наглядных пособий».

Музей часто заказывал изготовление учебных пособий узникам Шлиссельбургской крепости. Сотрудники музея поддерживали с заключенными постоянную связь и под видом «переплетения книг» снабжали их литературой. Когда Елена Дмитриевна узнала, что Вера Фигнер хочет прочитать Маркса, она послала ей свой том «Капитала» и получи-

ла его назад в переплете, с пометками на полях.

В 1896 году петербургские ткачи организовали стачку против штрафов, после которой была арестована Надежда Константиновна Крупская, сотрудничавшая вместе с Еленой Дмитриевной в Подвижном музее. Товарищи, знавшие, что Стасова сочувствует забастовщикам, попросили ее спрятать у себя брошюру «Кто чем живет» и печать «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Осторожная и наблюдательная, она оказалась непревзойденным конспиратором. Даже родные, которых она горячо любила, не могли заглянуть в тщательно оберегаемый ею от посторонних глаз мир.

В 1898 году Елена Дмитриевна заменила попавшего в руки жандармов товарища, ведавшего всей «техникой» Петербургского комитета РСДРП. Ей было поручено хранение и распространение нелегальной литературы, обеспечение квартир для явок, ночевки и собраний. Ведала она и сбором денежных средств для партии и организацией связи с заключенными товарищами. 1898 год она считает временем своего вступления в партию.

Огромная работа, полная риска и опасности, требовала самоотверженной

преданности и исключительной внутренней организованности. Товарищи по партии дали молодой женщине подпольную кличку «Абсолют», характеризующую ее точность и требовательность.

С момента выхода «Искры» и начала борьбы по собиранию сил ленинской партии Елена Дмитриевна Стасова становится агентом газеты. Вот уж где по настоящему проявились ее великие способности конспиратора, умелого и беспробавального организатора! В условиях постоянной слежки и преследований необходимо было не только организовать доставку газеты из Женевы в Питер, но и обеспечить распространение ее в России. Каждый день нужно было быть начеку, каждый день рисковать и ни на секунду не терять самообладания. Елена Дмитриевна Стасова вместе с другими «искровцами» героически несла эту нелегкую ношу.

На восьмой год нелегальной деятельности петербургским жандармам все-таки удалось набрести на след Стасовой. Ей пришлось уйти в еще более глубокое подполье. Вскоре она стала одним из самых деятельных членов Северного бюро ЦК. В июне 1904 года члены Северного бюро были опознаны в Москве провокатором. Двух членов бюро — Николая Баумана и Фридриха Ленгника — посадили в тюрьму. Несколько позже в Нижнем Новгороде была арестована и Елена Стасова.

Не терпевшая праздности, она и в тюрьме пыталась продолжать работу, которую вела на свободе: снабжала выходящих на волю или высылаемых в ссылку товарищей адресами, помогая им устанавливать партийные связи. Заключение полагали, что ей удалось пронести в тюрьму записную книжку. Когда ее спрашивали об этом, она, улыбаясь, показывала рукой на лоб. Никаких записных книжек у нее не было, все крепко хранилось в памяти.

Осенью 1904 года политические заключенные, сидевшие в Таганской тюрьме, объявили голодовку. Под давлением общественности тюремная администрация вынуждена была выпустить кое-кого под денежный залог на поруки родным. Отец внес залог за Елену Дмитриевну, и в конце 1904 года она снова вернулась в Петербург и включилась в партийную работу.

Судебный процесс, которого ожидала Елена Дмитриевна, был отложен, и ЦК направил ее в Женеву, поручив заведовать всеми техническими делами партии за границей.

В Женеве она встретила с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской, жадно ловившими известия из России, уже охватившей революцией. Владимира Ильича заинтересовали ее рассказы о съездах либеральной русской интеллигенции: учителей, адвокатов, врачей, инженеров, — проходивших летом 1905 года. Он настоял на том, чтобы она сделала о них доклад многолюдной русской колонии, и заботливо внес поправки в составленные ею план и тезисы.

Не раз ей приходилось испытывать на себе удивительную чуткость и заботливость, с которой Ильич относился к товарищам.

В английской газете «Обсервер» промелькнула заметка о трагической гибели Николая Эрнестовича Баумана. Он

был единственным из товарищей Стасовой по процессу, кого полиция отказалась выпустить под залог. Жене его наконец удалось добиться освобождения Николая Эрнестовича. Но на следующий же день он был убит на улице черносотенцем.

Прочитав это сообщение, Владимир Ильич тотчас оставил все дела и пришел к Елене Дмитриевне, чтобы подготовить ее к трагическому известию.

Революционные события в России нарастали, и в декабре 1905 года Ленин и другие члены ЦК вернулись из эмиграции на родину. Стасовой поручили ликвидировать оставшиеся в Женеве типографию, архив, издательство и библиотеку ЦК.

«Другие могут дело бросить, а если мы оставим Варвару Петровну (кличка Стасовой в Женеве), чтобы ликвидировать дела, она это доведет до конца», — говорил Владимир Ильич, ценивший редкостную добросовестность Елены Дмитриевны.

Выполнив поручение, она вернулась в Россию. Но вскоре ее снова арестовали на одном из заседаний Петербургского комитета и запретили жить в Петербурге.

Вся жизнь Стасовой проходила в борьбе, вынужденно прерывавшейся, когда ее сажали за решетку. В 1913 году Тифлисская судебная палата приговорила ее к ссылке в Енисейскую губернию. В глухом сибирском селе она устанавливала связи с сосланными товарищами, жадно читала и распространяла переписанные ею от руки статьи Владимира Ильича и даже нелегальные газеты...

После своего окончательного возвращения из эмиграции несколько дней в июне 1917 года Владимир Ильич провел в квартире у Елены Дмитриевны, на Фурштадской улице. Там же хранился и архив партии.

На VIII съезде партии Елену Дмитриевну избрали членом ЦК. Владимир Ильич, когда бывал очень занят, поручал ей вместо него принимать посетителей. Однажды он дал ей ответственное партийное поручение, которое могло быть по плечу только испытанному в борьбе политическому деятелю. Стасова из скромности стала отказываться и уверять его, что она «только организатор».

Владимир Ильич хитро прищурился и спросил ее:

- А вы с «Рабочей мыслью» воевали?
- Воевала!
- А с экономистами воевали?
- Воевала!
- А с ликвидаторами?
- Воевала!
- Так идите и выполняйте поручение! — потребовал Ильич.

Своим «большим другом» называл Владимир Ильич Елену Дмитриевну. Когда он дорабатывался до бессонницы и головных болей, Елена Дмитриевна принимала меры. Она звонила по телефону всем членам ЦК, требуя немедленно вынести постановление об отпуске Владимиру Ильичу, и потом сообщала ему об этом. И Владимир Ильич, которого никакими другими силами нельзя было заставить отдохнуть, подчинялся этому решению.

Через Елену Дмитриевну проходила вся текущая работа ЦК. Три коммуниста, сменившие ее впоследствии в канцелярии, удивлялись, как это ей одной

удавалось справляться с обширнейшей корреспонденцией.

А «секрет» состоял в том, что она, так же как и в молодости, работала, не зная усталости: четко, с глубочайшей заинтересованностью и огромным чувством ответственности. У нее было правило: не оставлять ни одного письма, ни одной бумаги не рассмотренными в день их поступления.

С момента образования в 1927 году Международной организации помощи борцам революции (МОПР) Елену Дмитриевну избрали заместителем председателя исполкома. Одновременно она стала председателем ЦК МОПР СССР.

В начале 30-х годов, когда Германия превратилась в очаг международной напряженности, Елена Дмитриевна была среди тех, кто первым забил тревогу, предупреждая мир об опасности новой войны. Ей не пришлось из-за отказа в заграничной визе участвовать в работе Всемирного антивоенного конгресса, созванного в 1932 году в Амстердаме. Но конгресс заочно избрал М. Горького, Н. Шверника и ее в состав своего руководящего комитета.

Два года спустя Елена Дмитриевна, которую Ленин за блестящие знания языков шутливо называл «язычницей», председательствовала на Всемирном женском антивоенном конгрессе и вплоть до войны участвовала в работе Всемирного женского антивоенного комитета, ежегодно собиравшегося в Париже.

Во время фашистского нашествия шестидесятидвухлетняя коммунистка предложила использовать ее знание языков. С великим трудом врачам удалось добиться ее эвакуации из Москвы. Но через три месяца, в феврале 1942 года, она уже снова была в Москве и редактировала журнал «Интернациональная литература» на французском, а затем и на английском языках.

Только категорическое запрещение врачей заставило Елену Дмитриевну в 1946 году уйти с работы. Но и после этого она проводила дни в неустанном труде, подготовила к печати письма В. В. Стасова к родным, написала воспоминания о своей жизни и борьбе. В марте 1960 года правительство присвоило ей звание Героя Социалистического Труда с вручением четвертого ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот».

Десять лет назад у Елены Дмитриевны ослабело зрение. С тех пор товарищи каждый день вслух читают ей газету от первой до последней строчки, так же как прежде читала она сама. Случается, что отец останавливается, боясь утомить ее лишними подробностями. Но седая, как снег, девяностолетняя слушательница, настойчиво требует:

— Пожалуйста, читайте до конца! Это очень важно!

Корреспонденции о ходе уборки урожая, о второй целине или о строительстве на Енисее новой Шушенской гидроэлектростанции, недалеко от села Курагина, где накануне революции она отбыла ссылку, по-прежнему волнуют ее, и она с законной гордостью следит за новой жизнью, за которую боролась и которую самоотверженно строила долгие десятилетия.

Н. МУРАВИНА

ЦЕПОЧКА ПОТЯНЕТСЯ ДАЛЬШЕ

ЗАЙЦЕВЫ СОБИРАЮТСЯ В ГОСТИ

— Когда же Зубовых навестим?
— По мне хоть завтра. Да. Из головы вон! Я ж тебе, Люба, привет передать забыл. От Староверовых. Встретились вчера с Колей на партийном собрании, он и затянул к себе.

Скоро третья, вечерняя дойка. Любовь и Петр Зайцевы идут на ферму. Где-то в выси, невидимый, поет, заливаясь жаворонок; серпом раскинулась по всему небосклону радуга; и так сладко дышится сейчас, после искристого, «слепого» дождика, и так легка в этот предзакатный час дорога, бегущая вдоль луговины, что хочется замедлить шаг. Хочется, а нельзя. Дойка должна начаться минута в минуту.

— Ну что там у них, у Раюшки с Николаем? Все ладно?

— Куда уж лучше! Доильный зал — хоть на выставку. Каждый винтик блестит. Хозяева! А давно ли приезжали к нам поглядеть, что за диковина такая — «елочка»!

— Мы и сами-то, вспомни, давно ли к Заботиним ездили?

— Ты там на машинную дойку как на чудо смотрела.

— Чудо и есть. А всего чудеснее для меня было, Петя, как они, Зинаида Ивановна и Дмитрий Иванович, один другого не то что с полуслова — с полвзгляда понимают, как все у них ладно идет. Я сказала себе тогда: и у нас с тобой должно так пойти!

Должно пойти... Люба знала много счастливых семей и сама не была обойдена счастьем. На любви и согласии держался ее дом. Но, наблюдая за тем, как Заботины, дояры ивановского совхоза «Шуйский», относятся друг к другу, Люба догадывалась: их согласие особое. У них не только домашние заботы общие, общий — куда шире семейного — интерес.

Только вернулись домой, Петр вместе с работниками «Сельхозтехники» взялся за монтаж доильной установки, первой и в их колхозе имени Ленина и во всей зоне Залегощинского производственного управления.

Подоив коров, закрепленных за ней, Люба прибежала к монтажникам.

— Добрый день, мастера! Может, и я чем пособлю? А чего вы резину пораскидали? И краны чем-то заляпали. Дайте-ка тряпок — перетру.

Петр подтрунивал:

— Люба тут как у себя дома. Заявится — сразу чистоту наводит.

Люба сердилась:

— Тут чище, чем в доме, должно быть. Небось, для молока готовите.

Пришел наконец долгожданный час. Петр объявил:

— Все готово! Принимай, хозяйка, дворец!

И впрямь, он казался им дворцом, этот новехонький доильный зал, безукоризненно опрятный, с начищенной до блеска аппаратурой.

Работа здесь оказалась тоже иной.

— Не пугайтесь, хорошие, это компрессор шумит, — успокаивала Люба коров. — Иди, иди, моя ласточка!

Надо было исподволь, постепенно приучать животных и к шуму компрессора, и к тому, чтобы доились справа, а не слева, как привыкли, и чтобы отдавали все молоко.

— Чего-чего, а терпения тебе, Люба, не занимать, — удивлялся Петр. И допытывался:

— Как ты узнала, что эту рыжую надо пускать на дойку самой первой?

— Догадалась. Она с принципом. Вроде бы за главную себя считает. А кличка у этой рыжей — «Енисей».

— У нас две сотни коров — все клички не упомянуть.

— Надо!

Техника тоже не сразу подчинялась. То стаканы спадали, то регулятор не сра-

батывал, то вакуум-насос разлаживался. Петру, бывало, допоздна приходилось возиться с механизмами.

— Сюда бы тех, кто выпустил этот насос, — я бы с ними поговорил!

Все было внове на этой работе: и техника, и то, что коровы не на привязи, а вольно бродят по выгульному двору, и то, что людей на ферме раза в три меньше, чем при ручной дойке. Внове оказались и многие черты человека, которого — так думалось Любе до сих пор — она знала не хуже себя самой.

Он был тот же, ее Петр, — и не тот. Прежде не очень-то вникал, как там ей на ферме, и о своих делах рассказывал лишь походя. Говорили больше о домашнем. Теперь он часами может рассказывать ей об устройстве двигателя или слушать, когда она объясняет, как надо раздаивать первотелок. И следит заботливо, чтобы не подошла близко к бодливым коровам, — всегда сам доит их. И книги, газеты теперь вместе читают. В труде, в общих хлопотах, в общих тревогах и радостях научились, как Заботины, понимать друг друга с полуслова, с полвзгляда.

По 60—70 тонн молока в месяц дает от двухсот коров ферма Зайцевых. Высоко оценен их труд. Оба отмечены доверием народа: Петр избран в районный Совет, Люба — депутат Верховного Совета республики. Иного десятка лет дороже тот с небольшим год, что они работают вместе.

Бежит вдоль луговины дорога. Все ярче горит размашистая радуга.

Николай и Анна Лисаковы тоже решили обслуживать коров вдвоем.

У самой фермы Любу с Петром нагояет «газик».

— Здравствуйте, супруги! — говорит, выходя из машины, Семен Устинович Родионов, председатель колхоза. — Ого, весь гурт уже у доильного зала!

— Знают свое время. По ним хоть часы выверять, — смеется Петр. — Эй, очередь соблюдайте, красули, не толпитесь!

— С кормами как? — спрашивает Родионов.

— Сочных хватает. А сеной муки и грубых кормов надо добавить. Хорошо бы жмыха немного. — Люба выжидающе смотрит на председателя. Тот кричит.

— Ладно, добавим немного. Только вы уж позкомнее...

— Само собой. И еще просьба, Семен Устинович. Хотим к Зубовым съездить в совхоз «Новосильский». Обучали их машинной дойке, а как у них дела идут, не видим.

— Вы ж ездили куда-то недавно.

— То к Лисаковым. В «Ленинский путь». Как раз подгадали: у них с аппаратурой не ладилось.

— Что же, если нужно, машина найдется. А занятно получается: Заботины приохотили Зайцевых парой работать, Зайцевы — Зубовых, Староверовых, Лисаковых, а Лисаковы — Переведенцевых...

— Цепная реакция! — разводит руками Петр.

— Теперь и новая цепочка появилась, — говорит Люба. — «Семейные» звенья кукурузу выращивают! Слышали?

ПРОСКУРИН ГОВОРIT РЕЧЬ

Пока ехали до Орла, Рая все время беспокоилась, как бы с машиной, которая их везла, чего-то не приключилось да как бы потом, когда они приедут, Дмитрий не потерялся в толпе. Раю впервые за всю ее жизнь пригласили вместе с мужем на большое совещание. На областной съезд кукурузоводов! Как же было не волноваться?

Но обошлось благополучно. Приехали вовремя. Дмитрий то и дело здоровался с незнакомыми Рае людьми, и ей было приятно, что все эти люди встречают его сердечно, приветливо: видно, уважают.

Открыли съезд. В президиум предложили и Дмитрия. Довольная, Рая устроилась поуютнее в своем кресле. И вдруг оторопела.

— Проскурина Раиса Афанасьевна! — выкликнули со сцены.

Не успела опомниться, а Дмитрий уже взял ее под руку, и так, вдвоем, они пошли к сцене мимо шумных, веселых рядов.

С трибуны механизаторы, агрономы, ученые, руководители хозяйств рассказывали, как приучили кукурузу к орловской земле, как щедро платит эта культура за труд, за умелый подход к ней. Дмитрий сидел рядом с женой, счастливый, гордый. Не столько за себя, сколько за Раю. Его-то отличали уже не однажды. Проскурин, ученик Гиталова и Мануковского, — человек известный. Год тому назад он завоевал первое место в соревновании кукурузоводов области, получил на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства Малую золотую медаль.

Рая радовалась его успехам, тешилась его премиями. А больше — что же? Работала, как другие женщины колхоза, — где бригадир назначит. И, правду сказать, Проскурин считал, что так положено.

Проскурин так считал, Рая — иначе. Открылось это ему нечаянно. В тот памятный вечер настроение у него было — хуже некуда. Пришел домой, даже ужинать не захотел, лег на диван, уткнув нос в газету. Рая переждала, сколько надо, чтобы остыл немного, потом под села к нему.

— Опять с бригадиром поругался?

Он швырнул газету на стул.

— Нет, кланялся ему за то, что палки в колеса тычет! Возьмешь ли хороший урожай, если путного помощника нет? Сегодня одного пришлет, завтра — другого. А им никакого интереса, лишь бы день отбыть. Еще и такой попадет — хоть в шею гони его, лодыря. Баста! Увижу председателя, заявлю: или пусть дает мне в звено верного человека, или...

Что «или» он, признаться, и сам не знал.

— Митя, а ты попроси, чтобы меня к тебе.

— Тебя? Надумала!

— Плохо ли! Свой глазок — смотрок.

— Да где же видано, чтобы звено из мужа с женой состояло?

— Может, и видано где. А нет — первыми будем. Только и всего.

— Да пойми ты! Мне такой человек нужен, чтоб в машинах, в агротехнике разбирался.

— Подучусь! Хоть увижу наконец, что получается от моей работы. А то день — на свекле, другой — на картошке. Столько же интереса, как и этим твоим помощникам. Соглашайся, Митя.

Дмитрий рывком встал. Только и слышно было, как хлопнула за ним дверь.

Капля камень долбит. Так и у Проскуриных получилось. Не один день упрямылся Дмитрий. Переупрямила!

Зато очень скоро он понял, что это значит: свой глазок — смотрок. Сеют — Рая каждый квадрат выверит. Культивируют — следит, чтоб ни один стебель не срезало. Подкармливают растения — просеянная селитра всегда наготове. В песне поется: «Друг мой — третье мое плечо». Есть теперь у Дмитрия это третье плечо. С виду хрупкое, а надежнее не сыскать.

— Слово Дмитрию Васильевичу Проскурину, звеньевому-кукурузоводу колхоза имени XX съезда партии Колпнянского управления!

Проскурин оглядел с трибуны зал, улыбнулся то ли тем, кто должен был сейчас слушать его, то ли собственным мыслям.

— Погода нынешним летом, сами знаете, какая была. Хлебнули лиха. А все же наше звено, — Проскурин оглянулся на Раю, — получило с пятидесяти гекта-

Кукурузоводы Прасковья и Александр Никитины.

ров по тысяче центнеров зеленой массы с початками, на круг с двухсот сорока вышло по четыреста пятьдесят центнеров, да еще с сотни гектаров взяли в среднем по 42 центнера зерна. Но, признаюсь, наверняка не взял бы такого урожая, если бы не имел хорошего напарника. Вот она тут, перед вами, моя напарница и мать троих моих сыновей, Раиса Афанасьевна Проскурина! Спасибо тебе, Рая!

АРТАМОНОВЫ ПЕРЕДАЮТ ЭСТАФЕТУ

Ранним утром Татьяна Артамонова постучала к соседям, Никитиным.

— Паша, можно к тебе?

— Входи, входи... Что стряслось?

Татьяна с размаху села на стул.

— Алексей зачудил.

Прасковья руками всплеснула.

— Напился? Вот уж чего не ожидала!

— Другое! Вчера вечером из Орла приехал. Со съезда. А там один кукурузовод с женой был, Проскурин фамилия. Так их обоих, представляешь, в президиум посадили. Она напарницей у него в звене. Алексей и загорелся. Давай, мол, и мы вместе. Полночи проспорили.

— Чего ж ты испугалась? Проскурина эта такая же, как мы. Она смогла — и ты сможешь.

— Вот и Леша о том же твердит. Думаешь, поддашься мне на его уговоры?.. Не знаю... У меня дом, хозяйство. Кукурузу растить — не по бархату ходить. Ей всю душу отдай.

— С хозяйством и бабка управится. А ты бы весь день с мужем. Много ли Алексея видишь! С весны до зимы только к ночи заявляется. Как и мой Саша... Гляди-ка, в президиуме сидела. Нам бы с тобой хоть разок так.

— Будь что будет! Пусть пишет меня к себе в звено.

— И мне, может, к Саше попроситься? Захочет ли? А я ж, Таня, звеньевой когда-то была. По двести семьдесят центнеров картошки копали на гектаре. Две медали в Москве получила. Саша ни за что не отстанет от Алексея. Дружки!

Назавтра покатила по совхозу «Ржавецкий» весть, что Алексей Артамонов, а за ним и Александр Никитин своих жен в звенья берут. Из центрального отделения докатилась до поселка, где живут Лыгины, Владимир с Екатериной, и Симбирцевы, Александр с Клавдией.

У Лыгиных разыгралась такая сцена:

Екатерина. Повезло же Тане Артамоновой и Паше Никитиной! За такими мужьями, как у них, жить — горя не знать.

Владимир. На руках носят своих жен, что ли?

Екатерина. Заботятся о них. Хотят, чтобы не тяпкой — при машине работали.

Владимир. У Татьяны и Прасковьи по двое детей. У тебя пятеро. Много ли наработаешь?

Екатерина. За детьми есть кому присмотреть. Как хочешь — а я к тебе в звено. Не бойся, не подведу!

В тот же день Владимиру встретился Александр Симбирцев.

— Ладишь «семейное» звено? Мы с Клавой тоже. Одно, говорю ей, плохо: был вольный казак — где хожу, жена не знает. Теперь — под полный контроль!

Татьяна и Алексей Артамоновы.

Так в «Ржавецком» появились сразу четыре «семейных» звена.

Лютые морозы прошлой зимы еще только ударили, а всех восьмерых уже пригласили в Залегощь, в партком управления, для беседы. Какие сорта кукурузы будут сеять, по каким предшественникам, сколько удобрений внесено с осени в почву — женщины на все вопросы ответили. Как могло быть иначе? Усердные наставники, свои же мужья, обучали.

Секретарь парткома Андрей Иванович Горяинов напомнил:

— Словом «семейственность» у нас в народе обычно называют кумовство, плохую круговую поруку. Вы же, товарищи, влили в это слово новый смысл. Очень хороший смысл!

И закончил, прощаясь:

— Успеха вам!

Тамара КВИТКО
Фото А. ШАПИРО.

Орловская область.

Зубер ТХАГАЗИТОВ

Вышла девушка
в поле весеннее
в пору цветения,
в пору смятения трав.
Как будто сама весна,
девушкой став,
вышла в поле
и смотрит вокруг.
Смотрит вокруг — и вдруг...
Говорю, наяву бывают
вещи чудеснее сна:
вот вышла девушка в поле,
а в поле весна.
— Ну что ж тут особенного? —
спросите вы.
Но деревья шума полны,
весною сказок полны.
И я слышу их разговор,
то есть девушки и весны.
— Посмотрю я в глаза твои,
а в них сине.
Ты похожа, подружка,
на небо мое.
И смешливы, певучи
глаза твои,
как мои соловьи.
А деревья шумели...
Остального я не разобрал,
это все, что я услышал —
да простится мне смелость моя —
и вам передал.
И пошла дальше девушка,
тиха и тонка,
и земле эта ноша,
как дыханье, легка.
Убирала с пути ее
каждый камень в пыли...
Нежно шестует девушка
по лицу земли.
Говорю, наяву бывают
вещи, чудесней сна.
Вот идет, и не знаю:
это девушка или весна?

* * *

Если выполнишь ты обещанное,
если правдив твой взгляд,
буду знать,
что на свете все женщины
только правду одну говорят.
Но уж если обманешь меня,
если ты не придешь,
буду знать,
что их каждое слово — ложь!
Все на чашах весов.
Ложь или правда на них
тяжелей?

Ведь сегодня
всех женщин правдивыми
сделать —
это в воле твоей.
Так неужто ты не придешь?

* * *

Да, ты бываешь тороплива,
нетороплива ты бываешь.
Бываешь ты нетерпелива,
и терпелива ты бываешь.
Бываешь смутной и тревожной,
бываешь ты неосторожной,
бываешь просто невозможной.
Бываешь... Это не беда.
Не будь ты разною такою,
кто знает, может быть, тогда
затосковал бы я с тобою,
как тосковал я без тебя...

Перевел с кабардинского
А. ЯНОВ.

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ ПОЧЕТА

Мы «болели» за нее так активно, что сосед по трибуне не выдержал и спросил:

— Это что же, знакомая ваша?

А мы даже не знали, как ее зовут. Знали только, что эта статная девушка — бегунья из команды Эстонской ССР, колхозница, выдержавшая все отборочные соревнования и попавшая в Москву на грандиозный физкультурный праздник — финал III Спартакиады народов СССР.

Позже мы познакомились. У нее оказалось мелодичное имя — Лайне, что в переводе на русский язык значит «волна». И ее походка, движения, даже манера говорить полны мелодичности — неторопливы, плавны. На беговой дорожке Лайне совсем другая. Ее жесты быстры, напористы, поступь пружинит.

Такой вот грациозной и волевой мы, как и сотни зрителей, видели Лайне Эрик все дни соревнований. В забеге на 400 метров Лайне показала отличные результаты, завоевав звание мастера спорта СССР. А в один из последних дней соревнований она взошла на пьедестал Почета Спартакиады: на восьмисотметровой дистанции, соревнуясь с прославленными чемпионками, она сумела завоевать призовое — шестое место.

Подумалось:

«Вот молодчина! За всех колхозных девчат доказала, на что они способны!»

И тогда мы решили поближе познакомиться со спортивной биографией Лайне, чтобы понять, каким был путь сельской физкультурницы к мастерству.

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ!

От опытного спортивного судьи мы услышали:

— Для воспитания хорошего спортсмена необходимы три условия: способности, тренерская школа плюс воля.

Спортивная биография Лайне в этом смысле не отличается оригинальностью. В школьные годы она бегала на лыжах. Окончив семилетку и поступив в сельскохозяйственный техникум в городке Тюрри, стала регулярно заниматься сразу несколькими видами спорта: волейболом, баскетболом, бегом. Этими занятиями руководил преподаватель физкультуры. Поз-

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ,

же, когда Лайне начала работать животноводом-лаборантом в колхозе, она тренировалась уже самостоятельно, но не бесконтрольно.

Альфред Писукке, преподаватель физкультуры Тартуского университета, взялся заочно тренировать Лайне. Он посылал ей письма с планом занятий на очередной месяц и с нетерпением ждал ответа из колхоза.

В дни больших соревнований Лайне встречалась с тренером. Он руководил ее занятиями, разбирал забеги. А потом... снова дорога, снова колхоз, снова письма.

Возвращаясь в село, Лайне до десяти, до двенадцати засиживалась на работе, восполняя пробылы за пропущенные дни. И все же выкраивала время для тренировок. Трудно? Нелегко. Взять нынешнее лето. Лай-

не уже знала, что она прошла отборочные соревнования и попала в сборную легкоатлетическую команду республики, которая поедет на Спартакиаду в Москву. Но именно в этом году Лайне решила продолжить учебу — поступить в Эстонскую сельскохозяйственную академию. Время приемных экзаменов в академии совпадает с днями Спартакиады. Как же быть? Попробовать совместить?

Она готовилась к трудному спортивному экзамену и одновременно, один за другим, сдавала экзамены по литературе, физике, математике. После трех успешно выдержанных испытаний Лайне отправилась в Москву. А в Лужниках, на стадионе, в перерывах между разминками, пробными забегами она не выпускала из рук учебника химии.

15 августа Лайне поднялась на пьедестал Почета Спартакиады. 17-го она снова была в экзаменационной аудитории в Тарту. «Хорошо» — оценили ее знания специалисты-химики.

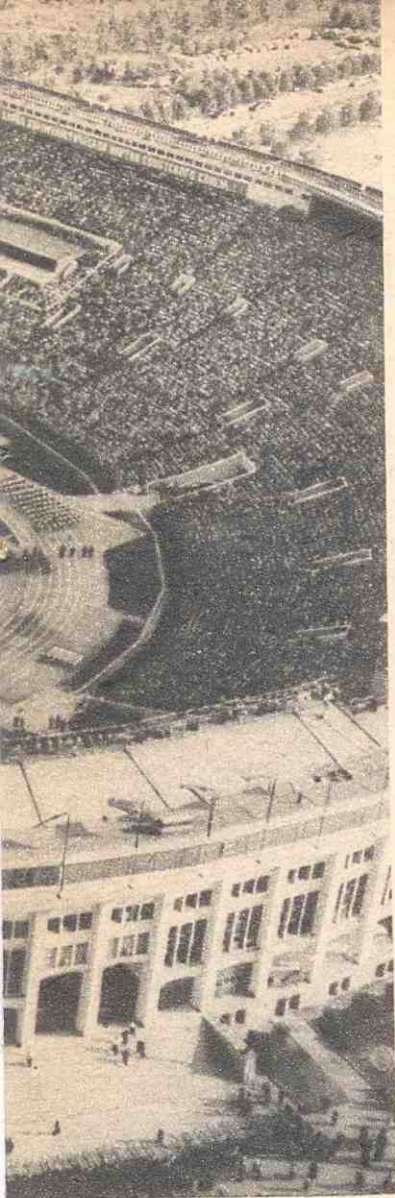
Итак, три основных условия. Основных?

— А по-моему, нет! — сказала нам Лайне. — Понимаете, во время учебы в школе, в техникуме, в институте почти каждый занимается спортом. А попадет на работу — и все, конец. Так вот, запишите: мне повезло. Меня направили на работу в колхоз «Койт». Это — самое главное.

ВОШЛО В ОБЫЧАЙ

В колхозе не найдешь человека, который не знал бы имени своего земляка — Клейна.

В 1912 году эстонский

не только по надоям молока, привесам молодняка, урожаем льна. В свободное от работы время молодежь состязается в метании копья и молота, в играх в волейбол и баскетбол, настольный теннис.

У пожилых свой спорт: шашки, шахматы, лыжи. И если «Праздником урожая» здесь принято отмечать конец сельскохозяйственного года, то свой спортивный год «Койт» по традиции провожает колхозной спартакиадой.

Колхозные спортсмены — неизменные участники и районных спартакиад. И даже, что греха таить, призывали быть там первыми. Правда, эти победы давались нелегко. Вот хотя бы нынешняя летняя спартакиада района.

Команда колхоза каждый час соревнований тщательно подсчитывала свои «очки». И когда обнаружила, что как будто первенство переходит к соседям, быстро выставила «запасного игрока». Он выступил в двух видах соревнований: толкнул ядро и метнул молот. И набрал как раз те баллы, которых не хватало колхозной команде, чтобы завоевать первенство. Этим «запасным» был председатель колхоза — сорокачетырехлетний Арнольд Рохтла.

Тринадцать лет — со дня основания — бесменно руководит он колхозом. И все эти годы самый рьяный заводила спортивных мероприятий.

Когда-то, на первых шагах колхоза, он не поспешил, не посчитал бесхозяйственной тратой денег и выделил из небогатых доходов несколько тысяч рублей на покупку спортивного инвентаря: нескольких пар лыж, волейбольных мячей, велосипедов.

Он прикинул так: от того, как проводит человек свое свободное время, зависит его самочувствие, его отношение к работе. А какой отдых сравнится с занятиями спортом! И потом проблема молодежи, которая рвется в город. Не поможет ли спорт в ее решении?

И председатель не ошибся. Вскоре в «Койт», именно в «Койт», стали проситься на работу трактористы и шоферы, зоотехники и агрономы после окончания училищ и вузов, школьники — после школы.

Сейчас, когда доход колхоза превысил 900 тысяч рублей, спортивное дело в нем поставлено уже по-настоящему, с размахом.

Здесь даже строят большой физкультурный зал, в котором круглый год смогут заниматься баскетболисты, волейболисты, гимнасты, борцы, штангисты.

Туда же переедет и физкультурный уголок, которому пока отведена специальная комната в правлении. В этой комнате хранятся призы, завоеванные колхозниками. Теперь колхоз может открыть свой спортивный музей: столько похвальных грамот, почетных кубков, призовых эмблем присуждено колхозным физкультурникам на самых разных соревнованиях — от районных до республиканских и всесоюзных.

Вот в какой коллектив попала Лайне Эрик после окончания техникума. И в этом — счастливое продолжение ее спортивной биографии. Недаром свои при-

зы, завоеванные на соревнованиях, Лайне присоединяет к колхозным.

* * *

Считают, что на селе нет условий для развития спорта. Знакомство со спортивной биографией эстонской колхозницы натолкнуло нас на мысль: может быть, точнее было бы сказать, что нет желания. У руководителей колхозов и совхозов, у городских спортсменов, равнодушных к физкультурникам села.

Крестьянская девчонка с певучим эстонским именем пришла в Большой спорт. Впереди у нее дальняя дорога. Пожелаем ей счастливого пути. Ей и сотням не менее упорных, ловких и сильных, о которых еще нужно проявить заботу.

Ю. ХОРИЦКАЯ
Вильяндиский район,
Эстонская ССР.

Фото С. ВЕТЧИНИНА и
В. ХУХЛАЕВА (ТАСС).

ЛАЙНЕ!

хуторянин Клейн получил серебряную медаль олимпийского чемпиона за выступление в классической борьбе.

— Как не знать Клейна! — говорят в колхозе «Койт». — Небось, один был такой на всю округу.

А сегодня его дочь, двадцатитрехлетняя Майе — одна из ста восьмидесяти колхозных спортсменов.

Чем она знаменита в спорте? Метанием копья. У нее первый спортивный разряд, она член сборной команды Эстонии.

— Остальное не в счет, — смеется Майе.

А остальное — это второй спортивный разряд по волейболу и настольному теннису, третий — по лыжам.

И так у многих из ста восьмидесяти.

Между семью колхозными бригадами круглый год идут жаркие соревнования

ЖЕНСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Хизгил АВШАЛУМОВ

Рассказ

Рисунок Д. ПЯТИНА.

Дорога на ферму вилась по крутому склону. Она то терялась в густых зарослях кустарника, то жалась к скалам. Внизу, в глубоком ущелье, клокотала река. Ее мутные воды с яростью ударялись об огромные валуны.

Там, где тропка поворачивала на ферму, вертелась шустрая девчушка лет пяти в пестром платьице. Увидев меня, она дважды прокричала со смехом: «Ой, па-па, иде-ет! Ой, па-па, иде-ет!»— и быстро исчезла за камнями. Я в недоумении пожал плечами и пошел дальше.

Широкую зеленую поляну окружали горы. Посреди поляны послушно стояли сытые разномастные коровы. То тут, то там белели халаты доярок. Предзакатное солнце золотило шелковистую траву, заливало багряным светом загорелые лица, окрашивало в прозрачно-розовый цвет тугие струйки молока, падавшие в ведра.

Шла вечерняя дойка. В нескольких шагах от себя я увидел широкую мужскую спину. Мужчина, как и все доярки, подвязав полы халата и присев на корточки, доил корову.

Это было уже несколько необычно. Не каждый носящий на голове папаху пойдет на это. Дояр поднял голову, и я узнал его: год тому назад, когда я приезжал сюда, Хабибулла Даудов заведовал фермой.

— Что случилось?— не без удивления спросил я.

Продолжая доить, Хабибулла холодно взглянул на меня, но тут же его лицо расплылось в приветливой улыбке— узнал. Он порывисто поднялся и крепко пожал мне руку.

— Поменялись с женой ролями. Она теперь заведующая, а я дояр.

Встреча с Хабибуллой вызвала воспоминания о нашем знакомстве. В прошлом году я приехал сюда, как и сейчас, по заданию редакции. На поляне и в коровнике тогда было пусто: ни коров, ни доярок. Стадо, видно, где-то паслось. Лишь два новорожденных телят дремали на солнце. Из каменного домика с плоской крышей, находившегося рядом с коровником, доносились голоса, и я направился туда.

В неуютной, давно не беленой комнате на длинных скамейках сидели женщины. Перед ними, заложив руки в карманы брюк и выпятив широкую грудь, стоял с важным видом смуглый усатый мужчина. Шел какой-то спор. Женщины перебивали друг друга, всплескивали руками:

— Не надо нам такого заведующего!

— Пусть убирается!

— Какой толк от него!

Через несколько минут я понял, из-за чего загорелся сыр-бор. Оказалось, мужчина с усами— заведующий фермой. Он целыми днями просиживает в аульской столовой за стаканом вина, а делами фермы не занимается. Доярки собрались, чтобы обсудить полугодовые итоги, и слово за слово разговор перекинулся на заведующего.

— Я не знаю, почему нами, женщинами, на ферме все время руководят они, мужчины!— сердито тыча в сторону самоуверенно улыбающегося заведующего, возмущалась доярка с большими круглыми серьгами в ушах.

— Тут и знать нечего,— поглаживая ус, с усмешкой бросил Хабибулла.

— Вспомните,— не обращая внимания на реплику Хабибуллы, продолжала доярка,— сколько заведующих сменилось у нас на ферме?— И она начала загибать один палец за другим:— Самед, Мамед, Ахмед, Рахматулла, Асадулла и вот он, Хабибулла. Кого только не подсовывают нам в заведующие, лишь бы на голове красовалась папаха! А какая голова под этой самой папахой,— она постучала себя по лбу,— неважно. Был же у нас Асадулла. Еле ноги передвигал от старости, только и знал, что молился и дремал на топчане. Выходит, ему и этому бездельнику Хабибулле можно быть заведующими, а таким, как Айшат, Сакинат и Халипат, нельзя?

Хабибулла предупреждающе поднял руку.

— Эй, хватит тебе трещать! Меня в заведующие назначили не вы, а правление. Оно, скажу я вам, в ваших бабьих советах не нуждается, знает, что делает. А почему нас, мужчин, назначают заведующими?— Хабибулла сделал многозначительную паузу.— Да потому, что у вас, женщин, нет руководящей жилки. Понятно?

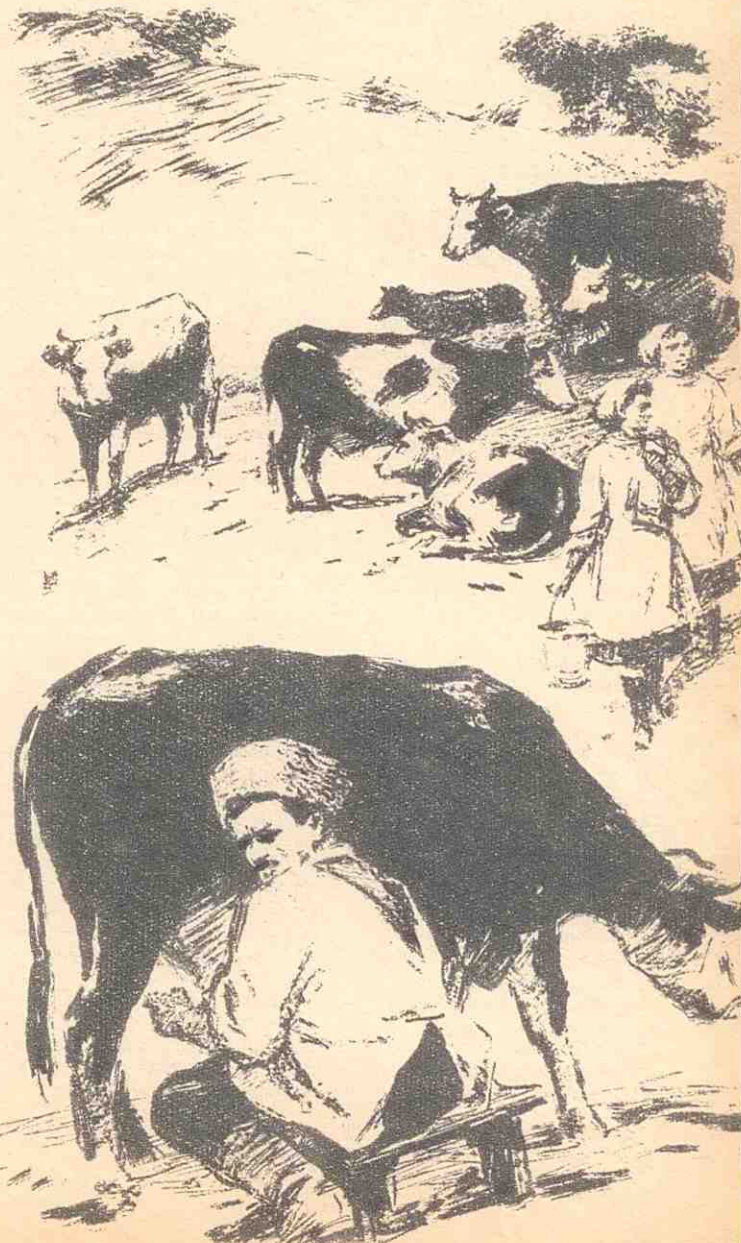

Слова его будто подлили масла в огонь.
— Где находится у тебя эта жилка, на пятке или на затылке?

— Горянки секретарями райкомов работают, министрами, а он, смотрите, что говорит!

— Не быть ему заведующим, пусть с нами коров доит!.. Последняя фраза задела Хабибуллу за живое. Лицо его сразу же утратило беспечное выражение.

— Что я вам, баба, что ли, доить коров?— вспыхнул он.—

Может, еще папаху на платок сменить? Да провалитесь вы в тартарары со своими коровами!..

И вот через год он сидит около коровы и доит как ни в чем не бывало. Что же заставило его изменить взгляды на назначение мужчины?

Вечером мы сидели с Хабибуллой за столом в его доме и мирно беседовали. Его жена еще не вернулась из правления.

— Помните, какой шум подняли в тот день доярки в красном уголке?— вспомнил Хабибулла о прошлогодней истории.— Будто «делю бугда» обвелись, и от этого мозги у них воспалились. Не знаете, что такое «делю бугда»? Это такой дурной знак; попади он в пищу, так человек раскусок теряет.

Вот и в тот день доярок будто подменили. Ведь раньше они мне никогда не перечили.

— И вы обиделись на них за это?

— Раньше обижался, теперь нет,— чистосердечно признался Хабибулла.

Из его дальнейшего рассказа я узнал, что вскоре после того знаменательного собрания правление колхоза решило отстранить Хабибуллу от должности заведующего, а на его место назначило его жену, лучшую доярку. Ему предложили перейти в полеводческую бригаду, довольно-таки далеко от фермы. Предстояло выбирать: либо забрать семью отсюда, либо жить врозь с ней. Пришлось Хабибулле уступить настояниям жены и согласиться быть дояром.

— Не стану скрывать от вас, первое время я чувствовал себя на этой работе неважно. Раздражался по пустякам, с женой постоянно ругался и в глубине души желал ей провала. Да что там говорить, тяжело было. Хоть время и позднее, но об одном случае я вам все-таки расскажу.

..Больше всего страдал Хабибулла, когда кто-нибудь из мужчин появлялся на ферме и заставлял его, бывшего заведующего, в халате и с подойником. Чтобы не дать себя застать врасплох, он «мобилизовал» свою дочку. Каждый раз, как начиналась дойка, девочка должна была прятаться в камнях и наблюдать за единственной тропинкой, ведущей к ферме. Заметив кого-нибудь в папаче или фуражке, девочка кричала: «Иде-ет!» Тогда отец немедленно прекращал дойку, оставлял ведро с молоком под коровой и на бегу сбрасывал с себя халат, не обращая внимания на язвительные шутки и хохот доярок.

Но однажды девочка крепко подвела отца. Она погналась за какой-то бабочкой и забыла, что ей велено следить за дорогой. И надо же было случиться: никем не замеченный, появился в это время на ферме приятель Хабибуллы, с которым он, бывало, частенько выпивал. Этот приятель застал Хабибуллу, как говорится, во всей форме. Тот доил корову и даже песенку напевал, потому что «Солистка» — так звали корову, — когда ей пели, лучше отдавала молоко.

— Да, жму я гостью руку и говорю,— пряча улыбку в усы, вспоминает Хабибулла: — «С приездом, Мухтар, рад тебя видеть», — а про себя думаю: «Лучше бы ты на дороге ногу вывихнул!» Весь день я был расстроен из-за этой встречи.

Вечером, проведив гостя, я, выпивший и злой, крепко побил девочку, а потом всю ночь мучился из-за этого, ходил вокруг ее кровати и ругал себя на чем свет стоит. На следующий же день освободил дочку от глупой обязанности сторожа на тропинке.

Кроме того, скажу я вам, мне самому надоело каждый раз убежать от всякого, кто появится на ферме, и слушать насмешки доярок. И чего стесняться? Работа есть работа. Главное, чтобы совесть у человека оставалась чиста. Пусть бездельники и пьяницы стыдятся, а мне нечего. Верно я говорю?

Мне показалось, что Хабибулла все же не до конца искренен. Ведь я видел девочку на тропинке и слышал, как она крикнула, заметив меня: «Ой, па-па, иде-ет! Ой, па-па, иде-ет!» Я уже хотел было сказать ему об этом, как дверь тихо скрипнула и в комнату вошла та самая девочка, которую я встретил сегодня. Она подошла к отцу и, капризно надув губки, пожаловалась:

— Папа, мне скучно...

Хабибулла посадил дочку на колени.

— Ты почему крикнула, когда меня увидела?— спросил я девочку.

Она шаловливо откинула черную кудрявую головку и залилась смехом.

— Это я так, папу дразнила.

Перевод с татского.

ПОМОЩНИЦЫ

В нашем Змеиногорском свеклосовхозе женсовет работает более трех лет. Сколько хорошего сделали за это время женщины под руководством председателя совета коммунистки Марии Дмитриевны Кузнецовой!

Дирекция совхоза придает большое значение делам женсовета, и я часто присутствую на его заседаниях вместе с секретарем парторганизации, председателем рабочего комитета и управляющими отделениями.

Ни одна сторона жизни совхоза не обойдена вниманием женсовета. Особое место в его планах отводится шефству над детскими яслями и садом. Тут и контроль над питанием ребятишек, и беседы с родителями, и настоящая, действенная помощь. Так, на одном из собраний Мария Дмитриевна предложила устроить воскресник для уборки территории детского сада и яслей.

В назначенный день после окончания работы собрались женщины и посадили во дворе яслей деревья, сделали клумбы, а неподалеку от заборчика распахали несколько соток целины и посеяли там для детей горох, морковь, огурцы, посадили помидоры и картофель.

Заботы женщин даром не пропали: на клумбах зацвели яркие цветы, уродились на славу овощи. Почти два месяца питались дети овощами со своего огорода.

Женсовет объявил беспощадную войну грязи, беспорядку, в каком бы виде и где бы они ни обнаружились.

Однажды в столовой рабочих возмутило, что плохо вымыты столы и посуда, а молочная каша подгорела и пахнет дымом. Мария Дмитриевна вместе с другими членами женсовета проверила санитарное состояние столовой. Оказалось, повар Прасковья Гутова небрежно относилась к своей работе: развела грязь, еду готовила неаккуратно, в надежде, авось, все поедят. Обсудив результаты проверки, женсовет решил просить уволить Гутову из столовой. Дирекция поддержала решение женсовета. Гутову отстранили от работы, назначив на ее место нового повара.

Давно заметили женщины, что грязно в гараже и мастерской: никто не следит за уборкой, кругом хлам, обрезки металла, нет бачков с водой, не работает вентиляция. Пришлось двум заведующим — В. Южакову и А. Козыреву — держать ответ перед женщинами — строгими контролерами. Дали они обещание через два дня все наладить. Слово свое сдержали.

Немало сил приложил женсовет, чтобы чисто было в квартирах рабочих. Каждую весну обходят активистки квартиры, требуя от жильцов своевременной побелки жилья, уборки мусора и навоза со двора. Кое-каким неряшливым хозяевам пришлось выслушать на заседании женсовета немало справедливых упреков. Но «проработка» пошла на пользу: теперь в их квартирах чистота и порядок.

Наш поселок недаром называется Садовым. По решению женсовета рабочие совхоза около своих квартир ежегодно высаживают по несколько деревьев. Зеленый заслон преградил дорогу пыли и ветрам.

В страдную пору у членов женсовета тоже горячее время. Женсовет и привлеченные им активистки идут по квартирам, беседуют с каждой домохозяйкой. Так день-другой. А там, глядишь, домохозяйки выйдут прорывать свеклу, на сенокос, очищать семена.

Не в стороне, конечно, женсовет и от моральных вопросов. Однажды в совет обратилась жена молодого рабочего мастерской Георгия Коробчука. «Георгий погуливает, а дома избивает всех», — жаловалась женщина.

Коробчук был вызван на заседание. Но держал себя развязно, грубо. Женщины выступали одна за другой, стыдили его. Коробчук присмирел, а под конец, когда Мария Дмитриевна сказала: «Ты, Гоша, еще молодой, только женился. А скоро тебя призовут в армию. Кто о тебе будет помнить? Кто будет писать письма? Что подумает об отце ребенок? Да и зачем ему такой отец?» — у Коробчука храбрость совсем пропала. Призадумался он и дал слово женсовету, что больше пить, дебоширить не будет. Сейчас он хорошо работает, дружно живет с женой.

Во все вмешиваются неугомонные члены женсовета. И беспокойство их на пользу людям.

Ф. ПАДАЛКО,
директор Змеиногорского
свеклосовхоза

Алтайский край.

ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ

(1813—1901 гг.)

В оркестре царило невообразимое волнение: генеральная репетиция новой оперы Верди «Риголетто» уже началась, а композитор все еще держит в секрете от артистов песенку герцога. Может быть, он собирается сделать публике сюрприз? А вернее всего, не хочет, чтобы новая мелодия стала известной до премьеры. И композитор был прав: еще не успел закрыться занавес после первого спектакля, не успели отгрезить аплодисменты, как темпераментная венецианская публика подхватила задорную песенку. Наутро уже вся Венеция напевала и навистывала: «Сердце красавицы склонно к измене».

Джузеппе Верди родился сто пятьдесят лет назад в маленькой итальянской деревушке. В деревенской остерии — харчевне, которую содержал отец, прошло детство будущего композитора, рано узнавшего труд и нужду.

Как уныла и тяжела работа! Зато какую радость приносит скрипка старого слепого Буссагета, нередко игравшего под окном остерии! Какое волнение вызывают звуки органа! Был такой случай: когда семилетний Джузеппе по обычаю детей местных крестьян прислуживал во время церковной службы и впервые услышал орган, он забыл обо всем на свете. Напрасно рассерженный патер приказывал ему подать святой воды. Сильный толчок сбил мальчугана с ног, а удар о каменные ступени лестницы лишил его сознания. Однако, придя в себя, несмотря на боль, мальчик попросил только об одном — читать его музыку.

Отец подарил ему старенький спи-

нет, и все свободное время Джузеппе наигрывал на нем нехитрые мелодии. Вскоре он научился играть и на органе и нередко заменял в церкви одряхлевшего органиста. Овладев игрой на духовых инструментах, Верди сочиняет марши и танцы для духового оркестра городка Буссето, вблизи которого он жил. Музыка пришлось по душе горожанам. По воскресеньям на городской площади собиралась толпа, чтобы послушать юного Верди. В праздничные дни за Джузеппе и его оркестром высылали омнибус, и молодой композитор, исполнитель и дирижер путешествовал по окрестным селам, радуя земляков своими мелодиями.

Однако в Миланскую консерваторию, куда он попытался поступить, его не приняли. Недальновидный директор не разглядел за бедной одеждой и грубоватыми манерами «медведя из Буссето» оригинальный и самобытный талант.

«Оставьте мысль о консерватории!» Такой ответ мог обескуражить кого угодно, но не Верди, который решил учиться во что бы то ни стало. Он берет частные уроки, изучает музыку своих предшественников, много читает, пишет романсы, а потом и первую оперу.

Работа над второй оперой была прервана обрушившимися на молодого композитора несчастьями: болезнь и смерть уносят одна за другой три жизни: умирает маленький сын, потом дочка и, наконец, горячо любимая жена. В такую пору да сочинять комическую оперу! Но антрепренер неумолим: опера заказана и должна быть написана к сроку. С тяжелейшим сердцем заканчивает партитуру измученный композитор. Не мудрено, что опера провалилась и была осуждена публикой. «С душой, истерзанной обрушившимися на меня несчастьями, ожесточенный провалом оперы, я убедил себя в том, что не найду более утешения в искусстве, и принял решение больше никогда не сочинять», — писал впоследствии композитор в «Автобиографической заметке».

Но разве может надолго замолчать композитор, если его переполняют мелодии, которые надо открыть людям!

И Верди снова берется за перо. Он мечтает о расцвете итальянской музыкальной драмы, хочет превратить доселе пассивный оперный хор в могучего выразителя народных помыслов, стремится избавить арию от вычурных, виртуозных украшений, мешающих смыслу, старается, чтобы сюжеты его опер были достоверными и логичными.

Разделенная на ряд небольших государств, истощенная бесчисленными войнами, Италия в начале XIX века была завоевана Наполеоном, а после Венского конгресса превратилась в придаток австрийской империи. В стране царил реакция, восстания революционеров — карбонариев — жестоко подавлялись. Но ненависть к угнетателям, стремление освободить родину становились все сильнее. Во главе освободительного движения стояли Мадзини и Гарибальди.

Верди включается в эту борьбу. Его оружие — музыка.

В 1842 году состоялась премьера следующей оперы Верди — «Набукко». Она сопровождалась такими бурными овациями, которых не слышали даже всегдашние миланского театра Ла Скала. В опере на библейский сюжет публика увидела намек на современность. В сценах вавилонского плена ей виделись страдания родного народа, угнетенного австрийским владычеством и национальной разобщенностью.

Страстный патриот, Верди насыщает духом современности и оперу «Ломбардцы в первом крестовом походе». В битвах крестоносцев иносказательно изображает борьбу за объединение родной Италии.

Опера следует за оперой. Мелодии его маршей, хоров, вальсов можно услышать из уст венецианского гондольера, миланского мальчишки, ломбардского крестьянина, римского шарманщика. Его музыка не только легко запоминается — она волнует, будоражит. Недаром австрийская полиция дежурит у театров, где исполняются оперы Верди. Недаром цензура вычеркивает целые сцены, усматривая в них (и это совершенно справедливо!) намеки на современное положение страны. Ведь мелодии Верди, выйдя из оперного зала, разносятся по Италии, становясь настоящими революционными гимнами. Во время исполнения арии древнеримского полководца в опере «Атилла» после слов «Возьми себе весь мир, лишь Италию оставь мне!» зрители вскочили со своих мест, восклицая: «Нам, нам Италия!» Возникла стихийная демонстрация. И так бывало нередко.

Многие оперы Верди написаны на сюжеты Шекспира, близкого композитору сильными страстями, яркими характерами. Сродни ему и свободолюбивые герои Шиллера и романтические, полные неожиданных сюжетных поворотов произведения Виктора Гюго. На сюжеты трех этих писателей созданы лучшие произведения Верди. Удивительна работоспособность композитора, создавшего 26 опер, великолепный «Реквием», чудесные камерные произведения. Возникнув из своеобразия народных итальянских гармоний, музыка Верди унаследовала их свежесть, простоту и напевность.

Особенно пленяют слушателей созданные композитором женские образы. Неувядаемы арии нежной и чистой Джильды («Риголетто»), тоскующей по родине Аиды («Аида»), преображенной любовью Виолетты («Травиата»), преданной и хрупкой Дездемоны («Отелло») и других героинь, наделенных запоминающимися и мелодичными музыкальными характеристиками. Психологическая правдивость образов Верди заставляет слушателей забывать мелодраматизм и некоторую схематичность сюжетов его опер.

Жизнеутверждающее творчество итальянского композитора дорого нам и сегодня. Во всех театрах мира уже более века звучит его музыка.

Л. КРЕМНЕВА

САЯТ-НОВА

Это имя произносится с ударением на последнем слоге. Это имя знает каждый в Закавказье — от ученого-академика до неграмотного чабана. Человек, носивший это имя, родился пятьдесят лет назад, и этот большой юбилей отмечается по постановлению Совета Мира повсюду в мире, а не только в трех закавказских республиках: Грузии, Армении и Азербайджане.

Саят-Нова — великий поэт; стихи его стали неотъемлемой частью народной жизни и народного быта в Закавказье. Где справляют свадьбу, собираются у друзей, устраивают общественный праздник, хотя порадовать и почтить гостя, там выходят к приглашенным музыканты — восточный камерный оркестр, состоящий из особой скрипки (кяманча), из старинного инструмента типа гитары (тара) и дудки, — и начинает звучать удивительная, захватывающая вас музыка. Один из играющих запекает. Он поет стихи Саят-Нова, и он играет музыку Саят-Нова. Потому что Саят-Нова, народный поэт-певец, сочинял свои стихи вместе с мелодией, как это делали великие народные певцы далекой древности в античной Греции.

Поэтов, поющих свои песни, в народе зовут ашугами. Но Саят-Нова был не простой ашуг. Стихи его полны глубокой мудрости, остроты, социального смысла. Нередко он в те далекие времена, в эпоху феодального строя, когда в Грузии над крестьянским людом тяготела власть помещиков, князей, пел и в защиту бедняков и в осуждение княжеского произвола. Он высоко поднял достоинство певца из народа, умел гордо нести свое звание, заставил уважать себя при дворе грузинского царя Ираклия II.

Легенды складывались о его жизни и дошли до нашего времени, так тесно слившись с правдой, что даже исследователи не могут отделить в них, что было действительно и что сложил впоследствии народ. Песни Саят-Нова рассказывают о любви к недоступной для народного певца девушке, и эту

воспетую им красавицу легенды связывают с царевной Анной, сестрой Ираклия. За свою смелость под конец жизни Саят-Нова впал в немилость, его заставили постричься в монахи. Но когда на Тбилиси обрушилось вражеское нашествие, он бежал из монастыря, принял участие в защите города и пал у стен армянской церкви, где сейчас стоит ему памятник.

Прелесть и социальная сила его стихов, их глубокое благородство и нравственная чистота, романтическая история его жизни — всего этого было бы достаточно для бессмертия Саят-Нова. Но этим значение поэта отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что в его лице мы чтим сейчас единство и дружбу трех крупнейших народов Закавказья: армян, грузин и азербайджанцев.

По рождению Саят-Нова был армянином, выходцем из семьи мелких ремесленников-армян. По месту рождения — Тбилиси — он был связан с Грузией. А по языку — со всеми тремя народами; он писал на трех языках: армянском, грузинском и азербайджанском, — владея всеми тремя в совершенстве и чувствуя особенности каждого из этих языков. В то время музыку, распространенную в Закавказье, звали общим словом «восточная». Превосходно играя на кяманче, сочиняя песню вместе с мелодией, Саят-Нова в своем лице как бы объединял все три народа Закавказья, был каждому из них понятен и близок, у каждого, как у себя дома, и в то же время песни его переливались за рубежи, подхватывались в Иране. В великом братстве поэзии и музыки, как родной для грузина, армянина и азербайджанца, близкий иранцу высится облик Саят-Нова, интернационального поэта Востока, уча народы взаимопониманию, единству и дружбе.

Вот почему с таким огромным подъемом празднуется его юбилей.

Мариэтта ШАГИНЯН

По телефонному звонку

В Житомирской областной больнице раздался тревожный телефонный звонок из села Андрушовки. Жизнь семимесячной Тони Бабчук в опасности: непроходимость кишечника. Только немедленная операция может спасти малышку. Тут уж действительно, промедление смерти подобно.

Проходят напряженные минуты, и в воздух поднимается самолет. В кабине — заведующая детским хирургическим отделением областной больницы Клара Алексеевна Могилевская. Помощь пришла своевременно. Сложная, удачно проведенная операция спасла жизнь девочке.

Помощь подоспела и к двенадцатилетнему Валентину Язвенко из села Краснополь. И снова — в который раз! — Клара Алексеевна провела операцию, и смерть отступила.

Как тепло и сердечно относятся родители к этой женщине с добрыми большими глазами, нежным материнским сердцем, золотыми руками, которые оперируют быстро, уверенно, точно! Каким доверием и радостью светятся детские глазенки, когда она с неизменной ласковой улыбкой на лице появляется в палате!

Вот на снимке она с двухлетним Игорем Примовичем. Первая встреча с Игорьком случилась при далеко не радостных обстоятельствах. Его доставили в больницу в тяжелом состоянии: гнойный аппендицит. Теперь же Игорь весел и беззаботен, он здоров.

Д. БРОНШТЕЙН
Фото И. ТОЛОЧКО.

г. Житомир.

НЕ ВИДИМЫЕ ГЛАЗОМ ПОТЕРИ

Разве вам не приходилось задумываться над таким вопросом: почему даже на тех фермах, где строго контролируется расходование кормов, где днем с огнем не найдешь раструженной соломы или затоптанных в грязь объедков, все же на каждый килограмм молока, мяса, шерсти, на каждый десяток яиц затрачивают намного больше кормовых единиц, чем полагается. Почему это происходит?

Оказывается, кроме различных «усушек» и «утрусок», с которыми беспощадно воюют в каждом хорошем хозяйстве, существуют потери, невидимые глазом. Да, да, невидимые! Их можно обнаружить лишь через увеличительное стекло экономического анализа, при специальных подсчетах. И потому такие потери особенно трудно предотвратить.

Трудно, но можно. Надо только каждому работнику фермы знать, что делать, чтобы на единицу продукции уходило меньше кормовых единиц. И прежде всего постараться решить так называемую белковую проблему. Десятки и сотни центнеров продукции теряют хозяйства из-за нехватки в кормах белка — этого важнейшего из питательных веществ.

Белок в корме нельзя заменить другими веществами, например, жирами или, скажем, углеводами. Его животные должны получать готовым, в виде переваримого протеина — простых белков и других азотистых соединений. Установлено: в рационе на каждую кормовую единицу должно приходиться примерно 90—100 граммов переваримого протеина. Между тем его обычно содержится не больше 60—70 граммов. А что такое недодать животному треть протеина? Это значит потерять пятую часть удоев, на 10—15 процентов снизить привесы крупного рогатого скота на откорме, на треть — привесы свиней. Больше того. Белковое голодание ведет к резкому росту затрат кормов, к непроизводительному их использованию, к тем самым невидимым глазом потерям, которые наносят такой большой ущерб каждому хозяйству.

Как избежать белковой недостаточности? Очень просто: наряду с такими высокопродуктивными культурами, как кукуруза и сахарная свекла, расширять посевы бобовых, содержащих много белков. На килограмм люпина, например, приходится 340 граммов переваримого протеина, на килограмм бобов — 287 граммов, на килограмм гороха — 195 граммов. А в кукурузном силосе его в три-четыре раза меньше. Причем бобовый протеин много полезнее, чем злаковый. Надо обратиться также к помощи химической промышленности, выпускающей вещества, применение которых может существенно пополнить запасы белка. До 30 процентов белка в рационах коров, овец и коз вполне заменят такие синтетические вещества, как карбамид (мочевина) и бикарбонат аммония. Их смешивают с концентратами (2,5—3 процента по весу для коров и 3—4,5 процента для овец), с готовым силосом, раствором мялясы (одна часть карбамида растворяется в десяти частях мялясы), жомом, картофельной мезгой.

Если добавить химические вещества при силосовании кукурузы (0,5—0,6 процента карбамида или 0,5 процента карбамида + 0,2 процента сульфата аммония), то количество белка в силосе удвоится. Иначе говоря, недостаточный по протеину рацион станет полноценным. Одновременно снизится кислотность корма.

При силосовании кукурузы восковой спелости количество сахара в ней понижается. Добавку карбамида в этом случае уменьшают до трех килограммов на тонну силоса.

Эффективность применения химических препаратов очень велика. Один килограмм карбамида дает дополнительно 6—10 литров молока, или 1,1—2,2 килограмма привеса, или 90—150 граммов чистой шерсти. Каждый рубль, израсходованный на приобретение бикарбоната аммония,

приносит червонец чистого дохода при кормлении молочного скота и девять рублей — при откорме животных.

И еще один важный источник белка — кормовые дрожжи. Они должны стать постоянным компонентом рационов, комбикормов, концентратных смесей. Сырью для их промышленного и местного производства у нас неограниченное количество. Это и опилки, и солома, и камыш, и кукурузные кочерыжки. Из тонны сырья получается 180—200 килограммов сухих кормовых дрожжей.

Кормовые дрожжи очень выгодны. Привесы свиней, к примеру, они повышают на 15—20 процентов, а расход кормов снижают на 10 процентов. Яйценоскость кур увеличивается почти на треть. При откорме цыплят килограмм дрожжей дает дополнительно 2,2—2,9 килограмма мяса.

Таким образом, резервов увеличения протеина в кормах вполне достаточно, надо только по-хозяйски отнестись к этому делу.

Говорят, что чем больше свинья ест, тем меньше она потребляет корма. И этот афоризм не плод досужего остроумия зоотехника, не бессмыслица. Она точно отражает биологическую закономерность, верную не только для свиней, но и для коров, и для овец, и для птицы.

Корма, которые мы даем животным, условно говоря, можно разделить на две части: идущие на поддержание жизни (их так и называют «поддерживающие») и продуктивные — из них как раз и «строятся» молоко, мясо, шерсть, яйца. Посмотрим, что происходит, когда животноводы, стремясь сэкономить фураж, иной раз до бесчувствия урезают рационы. В этом случае питательных веществ будет хватать лишь на «поддержание» жизни скота. Продукции он не даст — необходимые для этого кормовые единицы работники ферм «сэкономили». Расточительная эта экономия, корма расходуются, по существу, впустую, без отдачи!

Есть на Ставропольчине в Георгиевском производственном управлении совхоз «Ульяновский». Кормов у него в прошлую зиму не хватало. И решили специалисты совхоза: незачем вести интенсивный откорм, будем экономить фураж. Уменьшили нормы кормления. Суточные привесы бычков-кастратов, а их в совхозе больше тысячи, снизились до 182 граммов, а затраты кормов на центнер привеса, наоборот, повысились до 24 кормовых единиц. Весной животноводы подвели печальный итог: хозяйство перерасходовало 570 тонн кормовых единиц и потеряло около 100 тонн мяса.

Этим же объясняется, что, к примеру, в молочном скотоводстве при полуторатысячных удоях затраты кормов достигают полутора кормовых единиц, в то время как при трехтысячных надоях расходуются лишь одна кормовая единица на килограмм молока. Удельный вес «поддерживающего» корма при этом снижается с 70 до 48 процентов.

Однако у многих укоренилась такая точка зрения, что главное — это поголовье. А какой толк от этого поголовья, если оно не кормлено?

«Это», — говорил товарищ Н. С. Хрущев на совещании работников сельского хозяйства Белорусской ССР в городе Минске 12 января 1962 года, — неправильное рассуждение. Крестьяне всегда говорили: был бы хлеб, а мыши будут. Был бы корм, тогда и поголовье скота будет. Свинья дает за год 15—20 поросят. При наличии корма потомство только одной свиноматки может дать тонну, а то и больше мяса. Значит, за поголовьем дело не станет. Не пренебрегайте житейской крестьянской мудростью. Когда у крестьянина поросилась свинья и он думал, сколько ему оставить поросят, то решал этот вопрос в зависимости от количества кормов. Это истина, и ее нельзя забывать».

За корма надо бороться так же, как за хлеб. Забота об увеличении их производства должна быть неразрывно связана с заботой о росте поголовья животных. Умело сочетая то и другое, каждое хозяйство сможет увеличить дойное стадо, держать как можно больше скота на 100 гектарах земли.

Часто задумываются и над тем, какой скот выгоднее откармливать — взрослый или молодняк. И снова экономический анализ дает четкий ответ: чем моложе животное, тем больше продукции можно получить, затратив то же количество кормов. Судите сами. Чтобы увеличить вес полугодовалого теленка на один килограмм, надо израсходовать примерно четыре с половиной кормовых единицы. Годовалому бычку требуется на килограмм привеса уже около семи, а двухлетнему — свыше четырнадцати кормовых единиц.

Эта истина верна и для птицы. Возьмем, к примеру, выращивание уток. Обычно их забивают в возрасте 60—62 дней. В действительности же такой продолжительный откорм не оправдан ни экономически, ни биологически. И хозяйства, содержащие утят до двухмесячного возраста, теряют много кормов.

Работники Всесоюзного научно-исследовательского института птицеводства установили, что утят выгоднее откармливать до пятидесяти дней. Позже рост молодняка резко замедляется, а расход кормов увеличивается. Если до пятидесяти дней на каждый килограмм привеса тратится три с половиной кормовых единицы, то в следующую декаду — все десять. Значит, сокращение сроков откорма позволит на каждом утенке сэкономить два килограмма кормов!

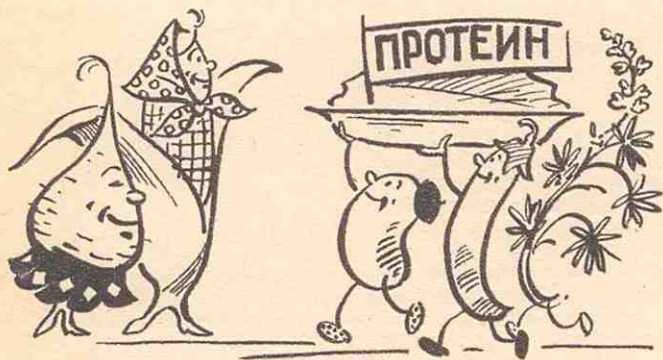
Вот, оказывается, какое огромное значение имеют эти десять дней! И если килограмм утиного мяса при ускоренном выращивании обходится в 46,4 копейки, то к двухмесячному возрасту затраты увеличиваются без малого до 60 копеек.

Поэтому очень важно повсеместно наладить интенсивное, по научным нормам кормление скота и птицы, сдавать их на забой в наилучшие сроки.

Нельзя не обратить внимания еще на одну немаловажную причину потерь фуража. Речь пойдет о структуре стада крупного рогатого скота или овец. Казалось бы, какое отношение имеет она к затратам фуража? Но расчеты, подкрепленные опытом передовых хозяйств, говорят: чем выше удельный вес маток в стаде, тем больше продукции можно получить на тех же кормах.

Во многих хозяйствах коровы составляют всего 33—34 процента общей численности скота. Если повысить удельный вес маточного стада примерно вдвое, то производство молока при том же поголовье возрастет на 70 процентов. Затраты же кормов увеличатся лишь на 16 процентов.

То же самое и в овцеводстве. Во многих колхозах и совхозах значительную часть отар составляют валухи. Заменяв их матками, хозяйства не только увеличат производство мяса, но и сэкономят много кормов. Ведь молодые животные гораздо лучше усваивают корм.

Использование только этих возможностей — а они доступны любому хозяйству — поможет животноводам увеличить производство продукции, одновременно удешевить ее. А если каждый внимательно посмотрит на то, как ведется хозяйство в его колхозе или совхозе, наверняка найдет еще немало дополнительных резервов повышения продуктивности животноводства и снижения его себестоимости. В этом сейчас первоочередная задача.

М. ГЛИНКА,
зоотехник

У Анны Парменовны Чиличихиной «елочка» работает безотказно. К ней часто навещают механизаторы из соседних хозяйств.

ХОЗЯЙКА СВОЕЙ СУДЬБЫ

Анна еле дошла до хаты. Слез уже не было. Слово в забытьи, накормила детей, уложила их спать.

Задула керосиновую лампу, прилегла и сама. Да только и на минутку глаз не сомкнула. Как нахлынуло пережитое — и нужда детства, и школьные радости, и дни счастья с мужем, и тяготы войны, и как бережно накидывали люди холмик земли над могилой мужа... Что-то теперь ожидает ее и четырех дочек-сирот?

Люся, старшенькая, лишь притворилась спящей, а сама тревожно следила за матерью.

— Мамка, почему не спишь?

Анна вздрогнула. Подсела к дочке, как взрослой, пожаловалась:

— Все думаю, как жить без отца будем...

Как-то к Чиличихиным зашла Анна Ивановна Козлова. По виду и по годам молодая, а разумом не обиженная. Уже заместителем председателя райисполкома работает. Оглядела востроглазых несмышленок и по бабьи пожалела:

— Трудно тебе, Парменовна!

Чиличихина сразу рукавом по глазам.

— Сколько в ветлечебни-

це-то зарабатываешь? — как бы к слову спросила Козлова.

— Какой там заработок! — вздохнула Анна. — В списке-то самая нижняя — уборщица. При муже, конечно, было подспорье. А теперь...

— Может, на ферму пойдешь? — посоветовала Козлова.

— За «палочки» работать?

— А про сентябрьский Пленум слыхала? Раз уж взялась партия, отступа не будет! Такие «палочки» скоро будешь зарабатывать, что и дом новый построишь и дочек в люди выведешь.

Уговорила Козлова вдову. Сама отвела ее в правление. Оказалось, свободной группы пока нет, но если у перегруженных доярок отсечь по одной, по две коровы, то и наберется дюжина.

Согласилась Анна. А как посмотрела на дюжину худоб, так и на сердце похолодело. Оно и понятно: доярки-то «отсекали» самых никудышных, кто же раздоенную молочницу отдаст?

Взялась Анна выправлять группу. Чуть свет встанет, детей на забор — и на ферму. Накормит коров, начнет

дойти, а мысли-то о детях. Как они там? Закончит дойку — скорее к малышам. Управится по хозяйству, старшую в школу приведет — теперь о коровах начинается забота одолевает.

Так и бегала туда и обратно до темной ночи. Одно радовало: добрались коровы, все больше отдавали молока. А секрет-то простой. Иная нерадеха навалит коровам одного силоса или сена — и домой. А Анна попеременно. Сначала даст сдобренной соломой, а потом сена или силоса подбросит. А там пойлом растравит аппетит — и снова поглубже корма. «Поставь на стол одну картошку, — рассуждала она, — много ли съест ее человек? А если с селедочкой да с приправой?»

Поправлялся колхоз, тяжелели «палочки»-трудодни. И дочки росли смыслеными. Все наказы матери по дому выполняли.

Пришла как-то мать на ферму, глядит, следом Люба топает.

— А ты зачем сюда?

— Я тоже корову доить буду!

— Попробуй, — согласилась мать. Принесла подойник, вытерла вымя самой смиренной корове.

Любы под коровой и не видно. Кружки три надоила, а от усердия на носу аж пот выступил. А потом начисто выдаивать стала.

Еще круче пошел колхоз в гору, когда избрали председателем Алексея Николаевича Алешина. Всячески поощрял он трудолюбивых: и дом поможет правление поставить и ценным подарком отблагодарит.

Однажды Алексей Николаевич к Чиличихиной зашел. Увидел, в какой развальной ютятся семья, и сразу же настоял, чтобы правление не покупилось. И лесом помогли, и транспортом, и шифером на крышу. Вошла семья в светлый дом — и сил как бы прибавилось. По двадцать — двадцать пять ведер уже в день Анна надаивала. Наградили ее орденом Трудового Красного Знамени...

Однажды Анна, управившись на ферме пораньше, прибежала домой и стала одеваться в праздничное. Девочки — гадать: может, в гости? Может, в кино?

— Нет, дочки, я на собрание.

— А зачем же ты нарядилась?

— На партийное собрание я! — торжественно сказала мать. — Меня сегодня

в партию принимать будут.

Возвратилась Анна с собрания поздно. Думала, уже спят дочки. А они в один голос спрашивают:

— Приняли?

— Приняли! — улыбнулась Анна, да так хорошо, как, может, никогда в жизни не улыбалась...

Когда в колхозе установили «елочку», работать на ней доверили Анне Чиличихиной и Зое Сидоровой. У Зои знаний побольше, десятилетку окончила, зато у Анны — опыта. Помогало Анне и то, что в войну работала она трактористкой: коль надо, сама и мотор запустит и поломку какую исправит.

С того памятного года, как пришла Анна Чиличихина на ферму, колхоз их стал неузнаваемым. Сбылись слова Анны Козловой. Было

Старшая дочь Людмила работает санитаркой в ветлечебнице. Сегодня у нее профилактический осмотр молочного стада.

в пятьдесят третьем году на ферме крупного рогатого скота голов сто. Да и головы-то только для счета. А теперь поголовье за шестьсот переваливает. Бывало, с гектара зерно пять центнеров зерна — и довольно. А теперь и дюжине центнеров не рады: поняли, что при удобрении да настоящим уходе за землей можно и по пятнадцати и по двадцати брать.

Молока продают государству не тридцать, как в пятьдесят третьем году, а триста тонн. В шестнадцать раз увеличили продажу мяса.

А сколько построили! Со стороны поглядеть теперь, так вокруг села животноводческие фермы, что крепости.

Примерно год назад председатель зазвал Чиличихину в правление и повел такой разговор:

— Посоветовался я, Анна Парменовна, с правленцами, и порешили мы доверить вам ферму.

— Ой, что вы, Алексей Николаевич! Да никогда я с этим делом не справлюсь.

— Вот это зря, — возразил Алешин. — Нам-то виднее, на что вы способны.

Анна попросила дать ей денег на раздумье. Пошла посоветоваться к Анне Козловой. К той самой душевной женщине-коммунистке, что присоветовала ей устроиться на ферму. Теперь Козлова работала инспектором-парторганизатором.

— Десять тысяч кубометров леса заготовили! Вот тебе и вывод: будешь смелой да справедливой — любой коллектив за тобой пойдет!

На другой день одно выговорила Анна у председателя — чтобы объявил он народу: дескать, временно Чиличихина назначается. Но хотя и временная, а беспокончалась больше постоянной. Все кажется Анне, слабо повышаются надои.

Подошло пастбищное время. Анна обошла все выпасы. Прикинула, когда и на какой участок надо загонять скот. Возвращается, а на одном, самом лакомом участке коровы колхозников топчутся. Отчитала пастуха.

— Да много ли убытку будет, если попасется стадо часок? — противился тот.

— Смотри, еще замечу — за потрапу ответишь! — предупредила Анна.

— Да я на тебя все начальство спущу! — пригрозил пастух. — В стаде коровы-то всего сельского актив...

Но колхозное пастбище с тех пор обходило, как заминированное...

Председатель похвалил Анну за строгость и стал ей объяснять, как пастбище на клетки разбить. А Анна уже сама все обдумала. Видит Алешин, разумно решила женщина.

— Быть вам, Анна Парменовна, постоянной, — улыбнулся Алешин...

Хоть и мало времени прошло, а уж всем доказала Анна, как надо фермой руководить. И молоко от коров стало больше получать и молодняк здоровый выхаживать. Телят-то не

— Я тебе, Парменовна, о себе расскажу, — сказала Козлова. — Только-только в заместители предрика выдвинули меня, и сразу поручение: езжай с лесорубами в Мещерские леса, лес для электрификации района заготавливать. Добрались до места. А бригада-то была в сто тридцать человек. И большинство — отпетые: то пьяница, то калымщик, то из бывших заключенных. Бригадир сразу же «заболел» и уехал: видать, перепугался. Думаю: мужик не выдержал, а что я сделаю? Но как вспомнила, что по столбам-то свет электрический в тысячи домов хлынет, так и взбодрилась.

— Ну и как, справилась?

А это самая младшая дочка Анны Парменовны — Надя. Она учится в 5-м классе.

Дочери Анны Парменовны — Вера и Люба — на уборке работают копильщицами.

Привели Анну в клуб. А там все скамьи уже заняты. Как глянула Анна на стриженные головы, так и совсем оробела. Но говорить начала напрямик:

— Хочу я вас отругать. Ведь только подумать, какой жизнью народ наш живет!

Рассказала Анна о себе — какая была, какой стала.

— И ведь каждый из вас может прямую дорогу в жизни-то проложить. Так зачем же нудиться тут, такой позор терпеть?

Растревожила Чиличихина стриженных, разговорились. А в заключение сказала Анна:

— Кому захочется после отбивки на трудовой, честный путь вступить, приезжайте в наш колхоз. Привет!

После этих слов стены задрожали от аплодисмен-

одним молоком балует, а и санным чаем крутой заварки. И траву не сразу после укуса в кормушки, а сначала проявит ее денек-другой. От такого корма больше пользы и телята меньше болеют.

Попросили как-то Анну Парменовну выступить в исправительно-трудовой колонии.

Анна смутилась:

— Что я расскажу им? Да и будут ли слушать? Там же, поди, самые отчаянги собраны!

— Таких людей, как вы, нельзя не слушать, — уверили ее.

Скирдование сена.

тов, благодарных, сердечных.

И тот самый лейтенант, что пригласил Чиличихину, сказал:

— Много у нас выступало лекторов, но ни одному так отзывчиво не хлопали. Может, больше и не словам вашим аплодировали, а делам!

В. МАТУШКИН

Фото А. ШАПИРО.

Колхоз имени XX партсъезда, Рязанская область.

МОЛОДОСТЬ.

В. СОРОКИНА.

Sorokina

ВЫРУЧАЕТ ДРУЖБА

Когда до жителей кишлака Куvasай дошла весть о патристическом начинании Турсуной Ахуновой, немало было пересудов.

— Пустое это дело,— укоризненно качал головой семидесятилетний Пайшон-бобо.

И многие поддакивали ему. Действительно, как могут женские руки, которыми только тесто месить да штопать, вести такую громадину, как хлопкоуборочная машина? Даже такой богатырь, как Карабай Ишмухаммедов, за сезон больше 50 тонн на ней не собирает.

Что же будет, когда за штурвал встанет девчонка?

И вот в одно ясное сентябрьское утро привезли в кишлак второй хлопкоуборочный агрегат. За осмотр его дело-вито принялась невысокая плотная девушка.

— Это же дочь Раима Назруллаева из соседнего кишлака,— переговаривались в сторонке куvasайцы.— Говорят, училась в Ташкенте. Ну что ж, посмотрим...

В полдень на полевом стане прозвучал звонок — команда на обед. Через несколько минут хирман напоминал улей: девушки и парни спешили сюда с собранным хлопком.

Шумливый учетчик Акрамджан Умаров взвешивал хлопок и называл во всеуслышание:

— Розия Ходжиева — восемьдесят девять килограммов. Кумри Раимбердыева — девяносто два, очень хорошо! Хури Устабабаева — сто пять. Молодец, Хури!

Но вот все притихли. На площадку хирмана въехала тяжело груженная тракторная тележка. Интересно, сколько до обеда сумела убрать машиной Турсуной Раимова?

Долго взвешивает учетчик.

— Три тысячи сто килограммов!

Каждый прикинул в уме: это, выходит, в тридцать раз больше, чем лучшая сборщица. Вот так выработка!

Славно поработала Турсуной Раимова в 1961 году, первом году самостоятельной работы. Она оставила далеко позади опытного механизатора Карабая Ишмухаммедова. За сезон девушка собрала сто пять тонн хлопка, а Карабай отгрузил из бункера своей машины немногим более шестидесяти.

Теперь даже такие скептики, как Пайшон-бобо, уважительно начали отзываться о машине. О молодежи и говорить нечего: парни и девушки буквально атаковали председателя просьбами послать их в училище механизации.

Председатель колхоза Махмуд Пулатов рассудил по-хозяйски: он предложил Турсуной организовать в колхозе курсы. Посылать всех в училище — слишком накладно. Девушка согласилась.

Записались на курсы двадцать девушек. Парни же посчитали ниже своего достоинства перенимать опыт у девчонки.

Горячо взялась Турсуной за порученное дело. Всю зиму изучали будущие механизаторы теорию. Для практических занятий по вождению хлопкоуборочных машин и культиваторов приспособили специальный участок с обозначенными рядками.

Гул тракторов не прекращался ни на минуту. Одна девушка сменяла другую, ни дождь, ни мокрый снег не могли помешать им.

И вот стерлись на бензобаках начертанные мелом схемы включения скоростей. К чему теперь они? Девушки прекрасно знают их на память.

Скоро можно сдавать экзамены...

И тут-то случилось непредвиденное. Муж Айши Юсуповой, тракторист Тургун Алиев, на второй день после свадьбы объявил жене:

— Была девчонкой—копалась в машине. А теперь мужа обихаживай, дом стереги.

— Дом собака пусть стережет,— решительно возразила Айша.

Не просто далась ей эта решительность. Но от своей мечты она не отступила. Но нашлись девушки и послабее характером. Из двадцати решили стать механизаторами только пятнадцать. Но и этих было вполне достаточно, чтобы осуществить заветный план Турсуной...

...Это собрание было, как никогда, бурным и многолюдным. Председатель долго не мог установить тишину. Когда же наконец зал утомился, он сказал:

— Девушки-механизаторы подали в правление заявление. Мы решили посоветоваться с колхозниками. Вот оно: «Просим правление колхоза объединить нас в одну бригаду и закрепить за нами постоянный участок. Кроме того, для механизации всех работ по возделыванию хлопчатника просим выделить бригаде трактор и другие сельскохозяйственные машины...»

С заднего ряда, где расположились парни-механизаторы, посыпались реплики:

— «ДТ-54» им подавай. Ишь, чего захотели!

— Сами зябь поднимем,— крикнул Ахмаджан Исаков.

Попросил слова и медлительно, с достоинством направился к трибуне заместитель председателя по механизации Мирахмедов.

— Вот девушки просят «ДТ-54»,— не торопясь начал он.— А где я его возьму? Ведь у нас всего пятнадцать тракторов, и они все закреплены за опытными трактористами. Не дав Мирахмедову договорить, резко встала с места Айша.

— Значит, вы нашему опыту не доверяете? А скажите, когда получил трактор Джура Кузыбаев?— указала она на широкоплечего усача.— В прошлом году. А сколько раз уже колхоз ремонтировал его? Молчите? Вот здесь больше

всех кричит Ахмаджан Исаков. А скажи, Ахмаджан, где твой трактор? Опять на ремонте.

— А я виноват, что запасных частей нет?

— Какие там запчасти, совести у тебя нет! — оборвала Исакова Айша. — Мы смотрели твой трактор. Карбюратор весь грязью забит, его почистить — и все, а ты новый требуешь.

Зал насмешливо загудел.

— А может, передадим девушкам трактор Исакова? — предложил председатель. — С условием, что сами же они его и отремонтируют.

На том и порешили.

Ранним утром следующего дня вся бригада собралась у трактора Исакова. На глазах у усмехающегося тракториста девушки тщательно прочитали и промыли в бензине детали. Вскоре «ДТ» заработал.

Женская бригада подняла зябь раньше всех в колхозе. Работая посменно, сев тоже закончили в лучшие сроки...

...И снова осень. Растеклось по зеленым полям драгоценнейшее «белое золото» — хлопок.

Вот подъезжает к полю хлопкоуборочная машина Турсуной Раимовой. Уверенно ведет ее молодой механизатор.

Н. ГРИГОРЬЕВА

ПИСЬМО

Писем не было так долго, что Тая даже поругалась с почтальоншей Настей.

— Просто тебе завидно! — кричала она. — Все же знают, что он пишет каждый день! Тетка Паша сама видела, как ты жгла что-то в печурке.

Она сходила в райцентр. Начальник почты вежливо пожимал плечами.

— Не знаю, за ней такое не замечалось. Но мы, конечно, проверим. А заказные вам тоже приходят?

— Приходят, — соврала Тая. И когда начальник раскрыл темную от бесконечных перелистываний тетрадь, она с надеждой стала следить за его крепким ногтем, скользющим по жирным синим линейкам.

Заказного, конечно, не было.

Придя домой, Тая выложила перед ребятами на дощатый стол двести граммов конфет и две крутобокие баранки. А потом подперла щеки маленькими темными кулачками и сказала:

— Не пишет нам папка. Забыл нас. Что делать-то будем?

Но ребята были маленькие. Они ничего не понимали.

...Письмо Настя принесла прямо в поле.

— На, наветчица, — сказала она без улыбки и, не дождавшись «спасибо», тряхнув старой кожаной сумкой, потопала назад, к деревне.

— Ишь ты, пять верст отмахала, — со стыдом подумала Тая и спрянула белый треугольник: Петя всегда посылал письма без конвертов. День кончался, а читать на людях не хотелось.

Впрочем, и придя домой, она не сразу взялась за письмо. Жора весь перемазался в земле, его надо было мыть в корыте. А Витя, как прицепился к ней у калитки, так и не отходил. Говорить он еще не умел и не мог объяснить, как весь долгий день боялся, что мать не придет вовсе. Так и откладывала чтение долгожданной весточки с минуты на минуту. Но, по правде говоря, ей было не столько некогда, сколько страшно.

Жора проснулся ночью оттого, что мать зажгла свет. Она стояла, нагнувшись над их общей с братом кроватью. Он уже протянул к ней руки, как вдруг почувствовал, что мать смотрит на Витю такими же испуганными глазами, какие были у нее во время Витиной скарлатины. Жора поскорее

прикрыл глаза, сквозь ресницы он видел, как мать, подоткнув Вите под спинку одеяльце, пошла к столу и начала что-то быстро, быстро писать, зачеркивая и вырывая страницы из тетрадки. Потом принялась читать какой-то измятый листок.

Что он мог понять, пятилетний Жора?

«Ты пишешь, что приедешь на побывку с детьми, — может быть, в сотый раз перечитывала Тая. — Не разрешаю я тебе этого. Мы не так богаты, чтобы вышвыривать в топку паровоза четыре сотни. Опять ты показываешь свою нерасчетливость. Если бы была у меня посметливей жена, я бы никогда не подался на Север. Мы сейчас смотрели бы телевизор и имели свой мотоцикл. Раньше надо было меня слушать и идти работать в продмаг. Опять же Витька. Зачем довела до второго ребенка? Ты пишешь, что скучаешь без меня. Но меня еще долго ждать. Я советую тебе, определи как-нибудь Витьку в детдом. Тебе помогут. Чего-нибудь и наврать можно. Тогда, глядишь, и я домой подамся. Твой Петя».

Петя... Семь лет назад появился он в их станице: К вечеру все девочки знали, что у нового кинемеханика усы и кожаная куртка на «молнии».

— Конечно, неженатый, — шушукались они. — А то б квартиру просил.

Тая после школы пошла в кино. Картина была старая, но глянуть на

кинемеханика хотелось. С косичками, в школьном платье, Тая казалась куда моложе своих шестнадцати лет. Парни на нее еще не заглядывались. И у нее на сердце было тихо.

Но у механика оказался опытный глаз: сразу выхватил из шумной, пестрой стайки Таину ломкую фигурку. И когда после сеанса расходились девчата по домам, он нагнал Таю на дороге. Вежливо сказал:

— Если вам, девушка, когда-нибудь захочется в кино, вы без всякого вызывайте меня — и все. Билета не надо.

Двух недель не минуло. Отправилась как-то вечером Тая за водой к колодцу, а домой не вернулась, потихоньку, ничего не сказав матери, ушла к Пете.

Он ее любил. Покупал новые ленты в косы. Говорил: на будущий год отправит в школу, снова в девятый. Экзамены за любовью остались несданными. Тая не работала. Варила Петру обед, штопала носки. Вставала утром, как и Петр, по-городскому поздно. Каждый день ходила в кино на все сеансы.

Вечером долго не ложились. Петр сажал Таю на колени, укачивал, как ребенка, и рассказывал о разных городах и людях, учил уму-разуму.

— Ты вот на работу просишься. Работа дураков любит. Такими-то лапками в навозе копать, — он целовал ее смуглые, немозолистые ладошки. — Тебе, браток, повезло. Со мной не пропадешь, парень я битый.

О себе говорил он скупо. Нет, до нее никого не любил. Так, были бабы. Специальностей у него много. Мог бы и комбайнером, да охоты нет загнаться до срока. Куда лучше крутить картины: и весело и чисто.

— Подожди вот, — говорил Петр. — Разбогатеет, поедем к морю. Или в тайгу. Знаешь, как там гудят деревья. И орехов — набирай хоть мешок. Далеко уедем от всех. Ты запомни, люди тебе враги. Один я тебе брат и друг.

Уехали они не очень далеко. В село под Орлом. К тому времени уже был у них Жора. Предстоящее появление его Петя встретил недоуменно.

— Вот не ждал, не гадал. Ну, да уж ладно. Рожай, пусть будет.

Зарегистрировались. Тая стала Смирновой.

Под Орлом снял Петр для семьи хибарку. Сам работал в городе. К Жорке сперва ревновал.

— Все ты возле него.

Потом как-то примирился. Но стал возвращаться поздно, иногда пьяный. Таю не обижал, но уже не сажал на колени и не обещал отдать в школу. Когда Тая забеременела Витей, она

За бригадиром, занимая по два рядка, потянулись и машины ее подруг. Зарокотали мощные моторы, за клубилась пыль, потекло в бункер «белое золото».

Осень 1962 года принесла Турсуной новую победу: она убрала за сезон 162 тонны хлопка, стала вровень с самыми прославленными механизаторами республики.

Но заслуга Рахимовой не только в этом. Ее бригада с каждого гектара получила по 42 центнера хлопка.

И не только хлопок вырастила Турсуной. Она помогла вырасти своим подругам, каждая из которых собрала по 100—120 тонн. Колхозники высоко оценили самоотвержен-

ный труд Турсуной. В этом году они избрали ее депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

У бригадира женской механизированной бригады большие планы. В этом году бригада обязалась вырастить на гектаре 45 центнеров хлопка и довести себестоимость его до восьми рублей за центнер. Такого дешевого хлопка еще не получал никто в республике.

П. ИВАТУЛЛИН

Колхоз имени Ахунбабаева,
Янгйюльское производственное управление,
Ташкентская область.

себе на удивление побоялась сказать об этом мужу. Он сам заметил: «Что же ты! Мне второй ребенок ни к чему».

Тая промолчала. Часто стала молчать она в своем доме. Ходила, низко повязавшись платком, пригнувшись. Настоящая беда пришла, как приходит всегда, вдруг. Зимним вечером, поджидая мужа, накрыла Тая на стол. Надела широкую кофту, чтоб незаметнее был живот. В дверь постучали чужим коротким стуком. И сразу что-то оборвалось у нее внутри, почему-то задрожали колени.

В хату вошел незнакомый парень. Глянул из-под чуба, спросил с порога:

— Это вы Таисия Смирнова? Петра в командировку услали, просил передать.

У нее чуть отлегло от сердца.

— Да нет, особо не ждите, — сказал парень, видимо, уловив ее мысли. — Он надолго. Может, на месяц, а бывает, и на год. Велел, чтоб домой ехала, к теще.

Она не успела ни о чем спросить, ничего сообразить. Когда кинулась за парнем, его уже и след простыл.

Денег было у Таи десять рублей. Увязала немудрые вещицы и поехала к матери. Та встретила ее по-деревенски, в голос.

— Детей рожать умели. А теперь куда? Пес он, Петька твой. Бросил он, бросил! А ты все не поймешь. Я инвалидка, на меня не надейся. Кому ты нужна теперь, детная?

Тая плакала. Стыдилась выходить со двора. Врала подругам, что Петя придет к субботе. По ночам лежала без сна и прислушивалась в себе к незнакомому чувству злости. Что он над ней сделал? Теперь вековать век одной.

С той поры и поселился в ее сердце страх — страх одиночества.

И вдруг пришло письмо. Петр писал откуда-то с Курил, с рыбных промыслов. Просил прощения, клял себя последними словами. И таково уж женское сердце. Радо оправдать любимого человека. Нашел бы он только слова понежнее, обещания побудительнее. «Может, он и не виноват. Его дружки испортили», — думала Тая.

Через несколько месяцев Петр прислал посылку. Тая, задохнувшись, спешила на почту: вот бы там пальтишко Жорке. Она писала, что из старого он вырос.

Ящичек был небольшой. Вскрыла и огорченно пожала плечами. Пересыпались там розовые и желтые карамельки.

— Ну и что же, — спрятала она до саду. — Тоже для Жорки радость, отцовская забота.

Потом родился Витька. Тая написала Петру, может, собрал бы что на приданое.

В ответ опять пришел ящичек с карамелью.

— Небось, пристроился на базе, вот и тянет, — съязвила мать, безжалостно сверкнув глазами. — Пустой он у тебя человек.

Но Тая радовалась и этому.

— А все же я не одна, помнит Петя про нас.

Вдоволь наслушалась она рассказов о солдатах, о мужской их мозолистой доле, об одиноких, неласковых ночах. И, следуя наставлению Петра: «Держись за меня. Жди. Помни, никому ты не нужна с ребятами», — готова была прощать ему все.

И только вот это последнее письмо открыло Тае глаза. Петр давно бы вернулся, да не хочет видеть младшего. Хочет отдохнуть от казенной работы, выспаться, нагуляться. Ведь и правда, устал он, а придет, тут пеленки, плач по ночам... А не придет Петр, кончилось ее бабье счастье...

Неделю промучилась Тая, и днем и ночью размышляя над письмом Петра. Потом написала в наш журнал. Она точно выполнила наказ Петра: кое-что рассказала, как в жизни, кое-что выдумала. «Я сирота, — вывела ее рука. — И сестра у меня последняя умерла. Оставила племянника. А ко мне ходил один наш парень. Мы очень друг друга любили и хотели жениться. Но как умерла сестра, он говорит: день куда-нибудь этого ребенка, а то тебя ни я, никто другой не возьмет. Кому ты нужна с ребенком?»

Тут она остановилась. Подошла к Вите, подумала про Дом младенца и

вдруг приписала: «Он у меня такой хороший, и зовет меня «мама». И я очень его люблю. Но что же мне делать, ведь я тоже живая? Может, его можно не в Дом ребенка, может, вы найдете ему настоящих отца и мать, чтоб они о нем заботились».

Тихо, чтобы не разбудить мать, прокралась Тая в дверь. Крадучись, шла по селу. Казалось, если кто увидит, сразу поймет и скажет:

— Бессердечная. Понятно: муж и жена — одна сатана.

Сунув письмо в почтовый ящик, она быстро вернулась домой. Входя, стукнула дверь. Мать спросила из каморки за кухней:

— Тай, кто-то ходит?

— Это я, к ребятам встала.

Она зажгла свет и села у стола.

— Ну, и все, — сами прошептали губы. — И правильно. И буду не хуже других, не разведенка какая.

Вдруг в глаза бросилась Витина рубашонка на стуле. Тая взяла ее в руки и увидела на локте дыру.

— Опять порвал, — с привычным испугом подумала она. — Зашить надо, а то пойдет дальше.

А зачем зашивать? Его теперь возьмет кто-нибудь...

Словно что-то рвануло ее к сыну. Витька спал, высунув из-под одеяла не очень чистую маленькую ногу. Тая уронила голову на руки и беззвучно, горько, безутешно заплакала.

...Чем кончится Таина история? Избавится ли она от Витьки и постарается забыть о нем? И придет ли Петр, Витькин отец? И будут ли они жить «не хуже других»?

А может быть, случится так: выплавав свое горе, спохватится Тая и постарается забыть про свое позорное, предательское письмо.

Рисунки М. СТРИЖЕНОВА.

Фото
Е. САВАЛОВА.

ИЗ ЧИСТОГО РОДНИКА

Березка из палье-маше была чахлая, с вяло трепещущими от каждого шага бумажными листочками. Она стояла на самой середине сцены и явно мешала репетирующим.

— Уберите ее наконец! — нетерпеливо крикнул режиссер, когда певица снова зацепила березку ворохом юбок.

— Убрать? — в раздумье переспросил помощник режиссера. — Но это же отразится на настроении зрителей!

— Ничего страшного! Людмила Георгиевна запоет — зритель и без этого березку почувствует!

Сейчас в полутемном зале зрителей нет. Еще что-то не ладится у осветителя, и окрик «Виктор, свет!» то и дело перебивает выступления актеров.

Но вот на сцену выходит молодая женщина в простом пестреньком платье, отстраняет микрофон, поправляет тупую косу, по-домашнему уложенную на затылке, и начинает петь. Спокойно, негромко, тоже вроде бы по-домашнему. Сначала кажется, ничего особенного! Но вскоре голос начинает «забирать» — мягкий, сильный, с удивительно сочными, слышными даже в последнем ряду низкими нотами. Манера исполнения соответствует внешности — крупная, ладная

фигура, открытое лицо, неторопливый жест. Вот она без аккомпанемента выводит старинную русскую песню — жалобу девушки. И на самом деле начинает казаться, что звучит она не в столичном концертном зале, а где-нибудь в перелесках возле рязанского села, там, где шумят листвою настоящие березы.

Умолкла последняя нота. Чуть вздрогнули крутые плечи, озорновато вспыхнули глаза, вскинулся вверх белый платочек — и печали словно не бывало, зазвучали бойкие кадрилиные частушки:

*Ты, дорога, ты, дорога,
Ты мелькаешь на бегу,
Я девочка-недотрога,
Ох, дотронься — обожгу!*

А потом сердце стеснила чуть грустноватая мелодия, бесхитростные слова:

*Когда придешь домой, в конце пути,
Свои ладони в Волгу опусти.*

Да, недаром космонавты просили исполнить песню «Течет Волга» вскоре после приземления космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6»! Конечно, не могла не тронуть она волжанку Вален-

тину Терешкову. Эту песню исполняла для космонавтов Людмила Георгиевна Зыкина.

Людмила Зыкина. Сейчас ее голос знаком тысячам любителей народной музыки. Разумеется, так было не всегда.

Нет, никаких эффектных эпизодов из времен детства и юности Зыкина не припоминает. Было обыкновенное детство в обыкновенной рабочей семье, живущей на московской окраине. Дома все пели, это правда. Особенно, если забредал на огонек кто-нибудь из многочисленной рязанской родни. Тогда басок отца, окончившего смену на хлебозаводе, звучал громче, мама, скинувшая белый халат санитарки, забиралась высоко-высоко, не боясь сорваться, а племянка особенно лихо выводила подголоски:

*Соловей кукушечку уговаривал:
Полетим р-р-р-р, кукушечка!*

До чего же нравилось маленькой Люде это трескучее раскатистое «р-р-р»! Незаметно для старших она тоже начала «голосить».

Но быть певицей? Об этом не думалось даже, когда учитель Николай Павлович Назаров выбрал ее запевалой школьного хора и ей впервые пришлось петь соло. Мама смастерила Люде для этого случая черную юбку из сатина, на которую нашла разноцветные ленточки, и белый фартук с кружевами.

— Песню Захарова на слова Исаковского «Шел со службы пограничник» исполняет ученица третьего класса «А» Люда Зыкина! — звонко объявил веснушчатый конферансье в пионерском галстук.

Дебют плохо сохранился в памяти, зато другое событие — поездка в деревню Лопатино к родственникам на свадьбу — запомнилось на всю жизнь. Наверно, потому, что там пели. Не хуже, чем главная зыкинская певунья — голосистая бабка Василиса.

Любознательной, шустрой девчонке все интересно в деревне! Интересно отвечать курник — курицу, запеченную в пшеничный каравай. Под курник поются старинные обрядовые свадебные песни. Интересно бежать за невестой, которую ведут к жениху, жадно вслушиваясь в веселые частушки дружков жениха. Интересно с печки посыпать молодых просом под старинное «А мы просо сеяли, сеяли».

И когда через много лет в хоре Пятницкого ставилась «Деревенская свадьба», Людмиле вспоминались три долгие дня и ночи, когда хороводились летние звезды и рязанские дали были словно настояны на песнях.

...Началась Великая Отечественная война. Распался домашний хор: отец ушел на фронт, мама работала не разгибая спины. Разве могла Люда в такое время сидеть сложа руки? Сказав в домоуправлении, что ей уже четырнадцать лет (на счастье, девочка была рослая), и получив нужную справку, Люда пошла работать на станкозавод имени Орджоникидзе.

Думаете, просто стать токарем, получить разряд? Не отдохнув после работы, бежать на занятия в вечернюю школу, а потом в госпиталь «поддежуривать»?

Чтобы отвлечь раненых от невеселых дум, брала Люда гитару и напевала им «Синий платочек» да «Землянку». А когда на заводе приходилось работать по

две смены, обязательно, бывало, кто-нибудь из раненых бойцов поинтересуется: «А где же сегодня наша певунья!»

Удивляется Людмила Георгиевна: «И откуда только силы брались? Ведь, кроме работы и учебы, я еще занималась в художественной самодеятельности. Там, где теперь раскинулись кварталы Новых Черемушек, в ту пору настоящий лес был, куда мы с девочками по грибы да по ягоды ходили. Неподдалеку — Черемушкинский совхоз. В совхозном клубе я впервые и начала знакомиться с нотной грамотой, осваивать музыкальную культуру».

...Кончилась война. Легче стало жить, веселее петь. Однажды черемушкинские девчата, случайно прочитавшие объявление о наборе в хор имени Пятницкого, толкнули упирающуюся Людмилу в аудиторию, где проходило прослушивание певцов. Пробовали свои силы на конкурсе четыре тысячи человек. А приняли четверых. Трех парней и одну девушку — пунцовую от волнения Зыкину.

Став хористой, Людмила чутко прислушивалась ко всему, жадно вбирала в себя знания. Но уже довольно скоро Зыкина поняла, что слепое подражание мастерам ни к чему. Изучив манеру лучших исполнительниц народных песен, она начала искать свой собственный путь.

Три с лишним года работы в хоре Пятницкого не прошли даром. Постепенно ее красивое контральто окрепло, дыхание стало свободней, звучание голоса приобрело так называемую кантиленность, став более длительным.

Еще более созрело мастерство Зыкиной в хоре русской песни Всесоюзного радио. Исполнение этого хора отличается замечательной чистотой звучания, и выучка, полученная здесь, особенно чувствуется, когда Зыкина поет без музыкального сопровождения.

Прислушайтесь к ее пению, и вы подметите, как своеобразны переходы от громкого к более тихому, спадающему, словно морской отлив, звучанию, как ее слегка вибрирующий голос украшает мелодию особым трепетом. Ее манера петь «волнами», унаследованная от безымянных рязанских певуний, особенно полюбилась слушателям.

Мастерство Зыкиной растет в поездках по стране. Она поет для полярников, зимующих на станции «СП-6»; выступает на Шпицбергене; путешествует по Северу с различными хорами; бывает на гастролях за рубежом.

Исполнение Зыкиной сделало популярными неизвестные до этого песни «Восемнадцать лет», «Оренбургский платок», «На побывку едет молодой моряк».

Вдохнула новую жизнь Людмила и в старинные, с детства полюбившиеся ей песни «Матушка, что во поле пыльно», «Я пойду ли молоденька», заветное бабушки-Василисино «Сронила колечко» и многие другие. Она исполняет и песни самодельных композиторов, написанные специально для нее, например, «Перепелочку» новосибирского баяниста Николая Кудрина.

В комнате Людмилы тесно от писем, от сувениров. Ей шлют свои стихи молодые поэты, ноты — начинающие композиторы, подарки — любители ее пения. Вот каменные бусы, подаренные благодарными слушателями из Непала, вот безделушки из слоновой кости от индийских почитателей... Кружевной подзор, который прислала ей после концерта, транслировавшегося по радио, незнакомая женщина из Ульяновска. И для этой женщины, для пенсионера Ксенофонтова со станции Ашукинская, для ударника коммунистического труда Лебедева, для костромских доярок, для украинских свекловодов и других многочисленных корреспондентов и слушателей из самых отдаленных районов стремится Людмила Зыкина узнавать новые мелодии, чтобы потом щедро дарить их людям.

Людмила КАФАНОВА

ТЕЧЕТ ВОЛГА

Музыка М. ФРАДКИНА.

Слова Л. ОШАНИНА.

Издавна долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет.

Сказала мать: бывает все, сынок.
Быть может, ты устанешь от дорог,
Когда придешь домой, в конце пути,
Свои ладони в Волгу опустя.

Издавна долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне уж тридцать лет.

Твой первый взгляд и первый плеск
весла,
Все было, только речка унесла.
Я не грущу о той весне былой.
Взамен ее твоя любовь со мной.

Издавна долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Гляжу в тебя, Волга,
Седьмой десяток лет.

Здесь мой причал, и здесь мои друзья,
Все, без чего на свете жить нельзя.
С далеких плесов в звездной тишине
Другой мальчишка подпевает мне.

Издавна долго
Течет река Волга,
Течет река Волга,
Конца и края нет.
Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет моя Волга,
А мне семнадцать лет.

Меленно и. $\frac{3}{4}$ Несколько быстрее

Песня

Издавна долго течет река Волга, издавна долго течет река Волга, конца и края нет.

Среди хлебов спелых, среди снегов белых, течет моя Волга, а мне семнадцать лет.

Сказала мать: бывает все, сынок, быть может, ты устанешь от дорог, когда придешь домой, в конце пути, свои ладони в Волгу опустя.

Издавна долго течет река Волга, издавна долго течет река Волга, конца и края нет.

Здесь мой причал, и здесь мои друзья, все, без чего на свете жить нельзя, с далеких плесов в звездной тишине другой мальчишка подпевает мне.

Издавна долго течет река Волга, издавна долго течет река Волга, конца и края нет.

САМОКРИТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Юмористический рассказ

Александр ПОЛЯНИЦА

Рисунки Ю. УЗЬЯКОВА.

Закончилось собрание. Я вышел во двор.

В слоистую пробель тумана сползают сумерки. В душе я несу тяжелый заряд. Проклятая стеснительность помешала мне выпустить его в кого следует. Рядом сопит мой сосед. Семена и оскользаясь, он хмыкает себе под нос. На его круглом, но изрядно помятом лице я замечаю самодовольную ухмылку.

— Жарко, мать честная,— жалуется он тонким свистящим голосом.— После каждой самокритики меня хоть отжимай. Самокритика, я тебе скажу, та же баня. Суть одна.

Доходим до моей калитки. Он легонько трогает меня за плечо.

— Постоим маненько. Суть одна и та же,— повторяет он.

— Это ты насчет самокритики баешь?

— Точно, хе-хе!

— Да ты в своем уме?— выпускаю я в соседа тот самый заряд.— Самокритика— дело политическое. Сурьезное. А ты ее хулишь... Раньше тебе бы за такие слова знаешь...

— То-то и оно, что раньше. Теперь это не пляшет. Если тебе мои слова не по нутру, извиняй. Каюсь. И сознаю. Вот ты сердисься, а зря. Я тебе на своем примере докажу, что баня и самокритика— одно и то же. Например, ты пришел в баню. Пришел, значит, купи себе веник и рули на полочку. Парься и хлещись, сколько твоей душе угодно.

Еще древние латыняне говорили, что в чистом теле и дух здоровый.

— В здоровом теле здоровый дух,— поправляю я.

— Это неважно, что там говорили наши классовые враги. Главное— хлещись и парься. Парься и хлещись. Самосильно. К банщику не прибегай. Банщик перехлестать может. В банном вопросе, как и в любви, доверяться нельзя никому.

А теперь слушай, что получается в самокритике. Тут так: проштрафился— кайся. Кайся и сознавай. Не жаль себя. Хлещись. Со стороны могут больше зашибить.

Для верности успеха стукни себя в грудь раз-другой. В голос подпусти дрожательности, а на глаза нагони росинку. И опять же хлещись. В таком образе ты и людям лицеприятен, потому как никого из них за живое не задел, и для начальства надежен.

Про тебя начальство скажет: товарищ такой-то, осознавший, и так далее. Тебе доверие, тебе почет, уважение и, как перед стучавшим, все двери настежь.

У меня началось с пустяка, а кончилось выдвиганием. Дело было так.

Подходит ко мне на работе Андрей Федотович, наш председатель, и спрашивает:

— Ты, Степан, чего же это тута наворочал?

Другой бы человек на стенку полез. Потому, как грубость со стороны руко-

водства допущена. А я нет. Я сразу ему самокритикой:

— Сознаю, Андрей Федотович. Наворочал маненько. Хе-хе! Дык оно как: не ошибается тот, кто ничего не делает.

И тут я такую самокритику развожу, так себя смичтожаю и вывертываю, что Андрею Федотовичу аж совестно делается. Не выдюживает он моей сознательности. Крутит носом и рукой мне машет. Понимаю, мол. Убедил.

А на другое утро вызывает меня председатель к себе в кабинет и спрашивает:

— Ты, Степан, человек, облеченный доверием и так и далее, скажи мне прямо: ты с птицей знаком?

А кто же с птицей не знаком, думаю себе. Кто ее, грешную, не едал?

— Маненько,— отвечаю ему,— разумею в птичьем вопросе. Ксюша, супружница моя, у меня по домашности, но случается, что и я рукоприкладствую.

— Вот и добро!— усмехается в пышные усы Андрей Федотович.— Иди к завхозу, нехай тебя к уткам наставляет.

Сосед мой ломает спички о коробок, никак не прикурит. Видно, нелегко ему давались первые шаги к руководству. Но вот он уже пыхтит цигаркой и продолжает свой рассказ:

— Выросли мои утки, оперились, налились жиром. Как только они пожирнели, так сразу и навалились на них напасти. То улетят две-три штуки шут их знает куда, или коршун подцепит, а то просто уплывают. Я в правление: так, мол, и так. Уплывают утки. Хватают коршуны.

Бухгалтерия подбила косточку к косточке и... списала уточек на естественную убыль.

Ага, думаю...

Мы с ветеринаром и заходили возле утей: варим их, жарим, запекаем в глине... А в бухгалтерию акции, актики...

Рассказчик неожиданно давится дымом и долго кашляет. Но вот он наконец выпрямляется и кончает скороговоркой:

— На собрании хлещу до семи потов. Освещаю я свои ошибки, каюсь со слезою во взоре, заверяю руководство... Сам лично обещаю уплатить стои-

мость недостающего утиноного поголовья. Слышу, говорит масса: «Человек осознал, чего там. Это несознательные коты, тех и наказывать...»

Мужчина я солидный, не в пример другим прочим, грамотный, осознавший, ну как же меня не приставить к должности?!

Через два дня я получаю наряд на свиноферму. Свинья, она, извини за выражение, хоть и некультурно прозывается, но живность полезная. Особенно молочные поросята, если их, подлецов, зажаривать целенькими. Капустки квашеной под бочок, хренку на спинку, яблочко в зубки и... хрясь, хрясь, хрясь...

Тут сосед мой опять морщится, словно жечь на огне. Голос у него дрожит, и только через глубокий утробный всхлип я слышу его покаяние.

Бородавки

Большинство бородавок заразно: они вызываются вирусами. Следовательно, чтобы вирусы не могли проникнуть в организм, необходимо не только содержать тело в чистоте, но и оберегать его от повреждений. Не следует также пользоваться вещами людей, кожа которых поражена бородавками.

Наиболее часто встречаются так называемые обыкновенные бородавки — темно-серые или желтоватые, плотные, с неровной жесткой поверхностью, размером от булавочной головки до горошины. Появляются они на руках и на ногах, вокруг ногтей или даже под ними.

Некоторые люди срезают бородавки, наивно полагая, будто так от них можно избавиться. На самом деле это вызывает дальнейшее разрастание их.

Как же удалить бородавки? Самое верное — обратиться к врачу-косметологу; их выжгут электрическим током или заморозят углекислотой — в любом случае бородавка разрушится и отпадет. Кроме того, по рецепту врача можно в аптеке купить жидкость Гордеева или пасту «Антиверруцин». Прибегают и к народным средствам: чесноку, чистотелу, туе. Делают в течение 10—15 минут горячую ванну, затем в размягченную бородавку втирают чеснок. Можно поступить иначе: растереть чеснок и толстый слой кашицы положить на бородавку, затем покрыть сверху компрессной клеенкой или пергаментной бумагой и забинтовать. Спустя сутки-двое повязку сменить. И так поступать до тех пор, пока бородавка не отпадет.

Из стебля травы чистотел выжимают сок, смазывают им трижды в день бородавки. Заливают одколном листья туи, дают постоять две-три недели, этой настойкой смазывают бородавки. Листья туи и одколон берутся в одинаковых весовых соотношениях.

Смазывание любым из этих средств надо начинать с самой крупной бородавки. Она воспаляется, распухает, потом на поверхности ее образуется корочка, вместе с которой бородавка отпадет целиком или частично. В последнем случае бородавку смазывают еще в течение нескольких дней подряд, пока она окончательно не исчезнет. Иногда достаточно удалить первую, так называемую материнскую бородавку, остальные тоже постепенно сойдут.

Удаление бородавок требует терпения. Нельзя прерывать борьбу с ними. Это может вызвать лишь их разрастание.

Плоские бородавки — их часто называют юношескими — отличаются более мелкими размерами, гладкой, мягкой поверхностью. Цвет их почти такой же, как кожи. Они едва заметны. Чаще всего плоские бородавки встречаются у детей и подростков, так как их организм менее стоек, и они, кроме того, хуже, чем взрослые, соблюдают простые гигиенические правила. Дети часто ковыряют бородавки, заражают другие участки тела.

При плоских бородавках применяется лечение, которое повышает сопротивляемость организма к инфекции. Хороший результат дает облучение солнцем, кварцевой лампой, если после этого кожа шелушится. Очень часто плоские бородавки исчезают сами.

Встречаются бородавки, которые висят на ножке, наподобие кисточек. Это так называемые остроконечные бородавки. Иногда они образуют наросты, напоминающие петушиный гребень.

У детей такие бородавки появляются под носом, вокруг ноздрей, в углах рта. Постоянно увлажняясь слюной изо рта или слизью из носа, они воспаляются, издают неприятный запах. Поэтому очень важно соблюдать чистоту: носовым платком тщательно вытирать углы рта, под носом. Остроконечные бородавки сидят непрочной, их можно легко сорвать полотенцем, мочалкой, носовым платком, а это лишь вызовет их размножение.

Остроконечные бородавки можно смазывать соком чистотела или настойкой туи. Но надо это делать очень осторожно, чтобы прижигающая жидкость не попала в глаза или в рот. Перед смазыванием каждую бородавку обсушивают марлей, носовым платком; бородавки у углов рта смазывают после еды.

Иногда на лице и шее появляются нитевидные бородавки — очень мелкие, тонкие, длинные. В этом случае нельзя делать массаж, растирать кожу, носить рубашки и блузки с жестким, тесным воротником. Не следует надевать шерстяные вещи. Всякое раздражение способствует размножению бородавок.

Для удаления нитевидных бородавок прибегают к помощи врача. В домашних условиях иногда помогает смазывание календулой.

Единственные бородавки, не вызываемые вирусом, — это старческие, встречающиеся у людей после 40—50 лет. Они образуются в результате изменения кожи, располагаются на груди, спине, животе, реже на лице. Величина их — от чечевицы до десятикопеечной монеты; они мягки на ощупь, покрыты жирными чешуйками. При старческих бородавках надо избегать сильного трения, сдирания чешуек. Лечат их под наблюдением врача.

М. ПОЛИКАРПОВА,
врач-косметолог

— На этот раз восприимчивым моей самокритики был сам прокурор. Сидит у себя за столом, важный такой, в очках. Человек он понимающий, сразу проникает в самую глубину моей самокритики. Воды в стакан наливает. Подает мне. Пей. Портсигар свой подсовывает. Кури. Закон, говорит, стоит за воспитание трудящихся индивидов. Это, говорит, не ты сам, а твое проклятое прошлое, что осталось от старого мира, казенное добро хапает...

Мне, как лицу осознавшему, самокритично подошедшему к свиначьему вопросу, рекомендовалось товарищем прокурором вынести общественное порицание.

А ветеринар тех поросят, что мы апробировали с ним, актиком смахнул на звероферму. Узнай у чернобурой, чем она закусывала: павшей уткой или поросем?

Да, до чего же люди хорошую штуку себе придумали! Покаялся, осознал — и, глядишь, тебя на пасеку выслали... Хе-хе!

...Сосед уходит. Скрипят его воротца гаденым смехом, и все стихает.

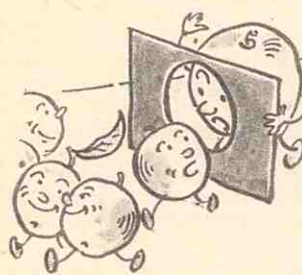
Долго я стою у своей калитки и казнь. Какой же я растяпа! Знаю, без рассказней знаю подленькую сущность соседа, а вот молчу.

ГЛАЗИРОВАННЫЕ ФРУКТЫ

Глазированные фрукты — яблоки и груши — отлично сохраняются всю зиму. Они употребляются как на десерт, так и для отделки сладких пирогов, тортов и т. д.

Для глазировки следует отобрать плоды одинакового размера и зрелости. Промыв их, обрывают плодоножки, срезают тонкий слой кожицы, разрезают пополам и удаляют сердцевину. Если плоды жесткие, их накалывают тупой деревян-

ной вилкой и бланшируют, то есть на 10—15 минут погружают в горячую воду. После бланшировки до варки фрукты сохраняют в тазу, наполненном чистой холодной водой, чтобы плоды не потемнели.

Потом приступают к самому процессу глазировки,

в результате которого фрукты, не развариваясь, пропитываются сиропом и покрываются сахаристой корочкой.

На 1 кг подготовленных к варке плодов требуется 1 кг 250 г сахара.

При глазировке фрукты пять раз варят в сиропе различной концентрации. Каждая варка длится 10—15 минут.

Две первых варки производятся в сиропе 50%-й концентрации, то есть для первой и второй варки (каждый раз особо) готовится сироп из пол-литра воды и 500 г сахара.

После первых двух варок фрукты для охлаждения

оставляют на 4—6 часов в сиропе. Затем в тот же сироп прибавляют 100 г сахара и варят снова 10—15 минут.

После третьей варки плоды должны стать прозрачными. Их вынимают из таза и раскладывают на решете над тазом, чтобы стек сироп и плоды слегка подсохли. Две последние (четвертую и пятую) варки производят в густом сиропе. В оставшийся от последней варки сироп снова добавляют 100 г сахара и варят еще 10—15 минут. Затем всыпают оставшиеся 50 г сахара и варят пятый раз тоже 10—15 минут.

Глазированные фрукты в сухом помещении с температурой 8—10°С могут храниться 12—16 месяцев.

П. ПАСТУХОВ

На первой странице обложки: Механизаторы Артамоновы, совхоз «Ржавецкий» Орловской области (см. очерк Т. Квитко «Цепочка потянется дальше»). Фото А. Шапиро.

На четвертой странице обложки: «ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ». Фото А. ГЕРИНАСА.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.
Технический редактор В. ПАРХОМЕНКО.

К этому номеру дается бесплатное приложение — чертежи выкроек женской и детской одежды и «Вышивка платков».

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Начальники и другие работники колхозно-совхозных управлений! Секретари партийных комитетов! Председатели колхозов и директоры совхозов, специалисты, организаторы и новаторы социалистического сельского хозяйства!

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, что началась подписка на издаваемый для вас журнал «Колхозно-совхозное производство» на 1964 год?

В отличие от журналов по отдельным отраслям сельскохозяйственного производства этот журнал освещает весь круг вопросов сельской жизни;

ЧТОБЫ УДОВЛЕТВОРИТЬ РАЗНОСТОРОННИЕ ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ, журнал рассказывает о решениях партии и правительства по вопросам сельского хозяйства; показывает, как должны складываться новые общественные отношения в деревне; обобщает опыт работы колхозно-совхозных управлений, руководителей, специалистов и новаторов сельского хозяйства; освещает последние достижения науки и передовой практики;

печатает консультации по самым различным вопросам; знакомит с зарубежным сельскохозяйственным опытом; дает советы по медицине, домоводству, спорту; публикует рассказы, очерки, фельетоны, стихи, песни, кроссворды.

Подвляющее место в журнале отводится материалам, присланным в редакцию читателями журнала.

Подписывайтесь на журнал «Колхозно-совхозное производство».

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на один месяц — 25 коп., на 3 месяца — 75 коп., на 6 месяцев — 1 руб. 50 коп., на 12 месяцев — 3 руб.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ.

КОНСЕРВЫ «САЛАТ КУБАНСКИЙ»

Для получения десяти полукилограммовых банок консервов нужно: капусты — 1 кг 250 г, томатов — 2 кг, перца — 750 г, лука — 500 г, соли — 70 г.

Овощи хорошо промыть. Нарезать сначала капусту, посолить ее и оставить полежать минут 10—15. Затем нарезать зеленые или бурые томаты, болгарский, желательно красный, перец, репчатый лук. Все овощи, в том числе капусту, перемешать, после чего разложить по полукилограммовым банкам, в которые предварительно налить по 30 г подсолнечного масла, добавить по четыре-пять горошин черного перца и красного — по вкусу. Консервы стерилизуют в течение 25 минут. После этого банки закрывают.

Г. ЛЮТИКОВА,
заведующая лабораторией
Адыгейского консервного комбината.

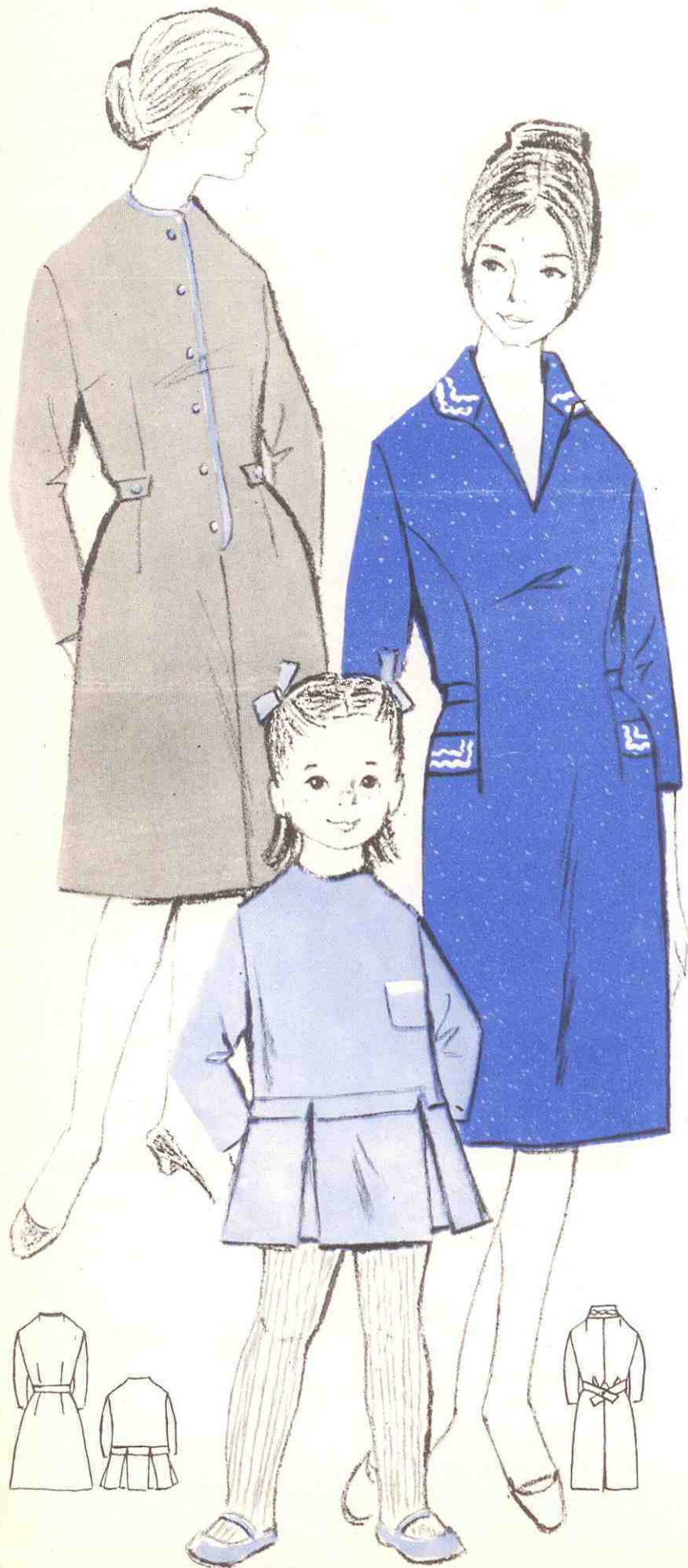
Главный редактор — И. А. КОБЧИКОВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-39-48.

А 00176. Подп. к печ. 27/IX 1963 г. Тираж 3 500 000 экз. Изд. № 1683. Заказ № 2196. Формат бум. 60×90/16. 2,75 бум. л. — 5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ОСЕНЬЮ...

Платье из плотной ткани, слегка раскошное. Рукав втачной, отделка из ткани контрастного цвета. Размер 48—50-й.

Платье для девочки-дошкольницы, отрезное ниже талии. На юбке встречные складки. Размер 26—30-й.

Прямое платье из шерсти. Рукав втачной, воротник и клапаны карманов отделаны вышивкой или тесьмой. Размер 48—50-й. В приложении к журналу «Крестьянка» № 10 даны чертежи выкроек этого платья и платья для девочки-дошкольницы.

Молодежное однобортное пальто из легкого драпа. Встречные складки в боковых швах доходят до листочек прорезных карманов и создают раскошанный силуэт. Размер 46—48-й.

Однобортное прямое пальто. Рукав втачной, карманы прорезные. Размер 50—52-й.

Рисунки С. ТАБУНОВОЙ

Цена номера 10 копеек.

Индекс 70434

